

Лорен Оливер
Пандемониум
Серия «Делириум», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3357185
Пандемониум: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-699-56879-6

Аннотация

Продолжение трилогии об апокалипсисе нашего времени, начатой романом «Делириум», который стал подлинной литературной сенсацией!

Лина, обретшая любовь в мире, где простые человеческие чувства находятся под запретом, наконец-то выбирается на свободу. С прошлым порвано, будущее неясно. В Дикой местности, куда она попадает, царят свои неписанные законы. Чтобы выжить, надо найти друзей, готовых ради нее на большее, чем забота о пропитании. И не следует забывать о том, насколько зыбка эта свобода, пока люди делятся на чистых и зараженных.

Содержание

Сейчас	4
Тогда	6
Сейчас	26
Тогда	32
Сейчас	40
Тогда	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лорен Оливер

Пандемониум

Моим родителям

Сейчас

Алекс и я, мы вместе лежим на одеяле на заднем дворе дома тридцать семь на Брукс-стрит. Деревья кажутся больше и темнее, чем обычно, – листья почти черные и такие густые, что сквозь них не разглядеть небо.

– Наверное, это был не самый лучший день для пикника, – говорит Алекс.

И только тогда я понимаю, что да, конечно, мы не съели ничего из того, что принесли с собой. У нас в ногах стоит корзина с полусгнившими фруктами, на фруктах кишмя кишат маленькие черные муравьи.

– Почему? – спрашиваю я.

Мы лежим на спине и смотрим на полог из густой листвы у нас над головами.

– Потому что идет снег, – со смехом отвечает Алекс.

И снова я понимаю, что он прав – действительно идет снег, вокруг нас кружат крупные снежинки цвета пепла. И еще очень холодно. Дыхание облачками вырывается у меня изо рта. Чтобы не замерзнуть, я прижимаюсь к Алексу.

– Дай мне руку, – прошу я, но Алекс не отвечает.

Я пытаюсь пристроиться у него под мышкой, но его тело неподатливое, оно словно зачленено.

– Алекс, ну, пожалуйста, мне холодно.

– «Мне холодно», – механическим голосом повторяет Алекс.

У него синие потрескавшиеся губы, он, не мигая, смотрит на листья.

– Посмотри на меня, – прошу я, но Алекс не поворачивает голову, не мигает, вообще не двигается.

Внутри меня нарастает паника, истеричный голос все повторяет, что так быть не должно. Тогда я сажусь и кладу ладонь на грудь Алекса. Он холодный как лед.

– Алекс, – говорю я, потом уже кричу: – Алекс!

– Лина Морган Джонс!

Я вздрагиваю и возвращаюсь в реальность. В реальности вокруг меня раздаются приглушенные смешки.

На меня злобно смотрит миссис Фиерштейн, преподаватель двенадцатого класса в средней школе для девочек «Куинси Эдвардс», Бруклин, семнадцатый район, секция пять. Это уже третий раз на неделе, когда я засыпаю у нее на уроке.

– Раз уж от сотворения естественного порядка тебя клонит в сон, – говорит миссис Фиерштейн, – могу предположить, что поход в кабинет директора тебя взбодрит.

– Нет! – вырывается у меня.

Я произношу это громче, чем следовало бы, что провоцирует моих одноклассниц на новые смешки. Меня зачислили в «Куинси Эдвардс» сразу после зимних каникул, то есть чуть больше двух недель назад, а моя репутация стоит уже первым номером среди девушек со странностями. В школе меня обходят стороной, как будто я больная... как будто я заразная.

Если бы только они знали.

– Это последнее предупреждение, мисс Джонс, – говорит миссис Фиерштейн. – Вы меня поняли?

– Этого больше не повторится, – отвечаю я, старательно изображая покорность и раскаяние.

Я прогоняю от себя кошмар, который только что увидела, гоню мысли об Алексе, мысли о Хане и моей старой школе. Гоню прочь, как учила меня Рейвэн. Старой жизни больше нет, прошлое умерло.

Миссис Фиерштейн в последний раз бросает на меня гневный взгляд – как я понимаю, для устрашения – и снова поворачивается к доске. Лекция о божественной энергии электронов продолжается.

Лина из прошлого испытывала бы ужас перед такой учительницей – она старая и злая, похожа на помесь жабы и питбуля. Миссис Фиерштейн из тех людей, глядя на которых думаешь, что им нет необходимости проходить через процедуру исцеления. Невозможно представить, что она, даже если останется не исцеленной, сможет когда-нибудь влюбиться.

Но Лина из прошлого умерла.

Я ее похоронила.

Я оставила ее за пограничным ограждением, за стеной из дыма и огня.

Тогда

Первое, что я чувствую, – огонь.

Огонь в ногах, в легких, он разрывает каждый нерв, каждую клеточку моего тела. Так я рождаюсь заново – раздираемая болью, вынырываю на поверхность из удушающей жары и мрака. Я заставляю себя пройти через черное влажное место, полное незнакомых звуков и запахов.

Я бегу, а когда бежать уже нету сил, иду, еле переставляя ноги, а когда и это немоготу, ползу, впиваясь ногтями в землю, дюйм за дюймом скольжу, как червь, по заросшей поверхности этого странного дикого места.

И еще, рождаясь заново, я истекаю кровью.

Не знаю, как далеко я углубилась в Дикую местность, как долго продиралась через густой лес, но только замечаю, что ранена. Один из регуляторов, должно быть, все же сумел зацепить меня, когда я перелезала через ограждение. Пуля задела меня чуть ниже подмышки, и теперь футболка намочена от крови. Но мне повезло – рана неглубокая. Когда я вижу кровь и рану, все вокруг становится реальным – это незнакомое место, огромные деревья, жуткие заросли, то, что произошло, то, что я оставила позади.

То, что у меня отобрали.

В желудке пусто, но меня все равно выворачивает. Я кашляю и сплевываю желчь на ковер из блестящих от влаги листьев. Над головой чирикают птицы. Какой-то любопытный зверек подкрадывается ближе узнать, в чем дело, и тут же убегает обратно в заросли.

«Думай, думай. Алекс. Думай о том, как поступил бы он в этой ситуации».

«Алекс здесь, он рядом. Представь это».

Я снимаю футболку, рву ее по шву и обвязываю себя вокруг груди, прижимая самый чистый кусок к ране. Это помогает остановить кровотечение. Я понятия не имею, где я и куда иду, знаю только, что нельзя останавливаться, надо идти вперед, глубже в лес, дальше от пограничного заграждения, от мира псов, автоматов и...

От Алекса.

«Нет, Алекс здесь. Ты должна верить в то, что он рядом».

Шаг за шагом, отбиваясь от колючек и мошкеры, от толстых веток, через тучи moskitov и повисший в воздухе туман. В какой-то момент я набредаю на речку. Я настолько ослабла, что меня чуть не уносит течением. Ночью льет проливной дождь, безжалостный и холодный. Я укрываюсь между корней громадного дуба, а вокруг меня в непроглядной темноте взвизгивают, ворчат, суеются невидимые зверьки. Я боюсь заснуть, если я усну, то умру.

Я родилась не сразу, новая Лина не появилась на свет одним рывком.

Шаг за шагом... Дюйм за дюймом. Ползком, корчась в грязи, со вкусом дыма во рту. Впиваясь ногтями в мокрую землю. Как червь. Так она приходит в этот мир. Новая Лина.

Когда я больше не могу двигаться вперед, даже по дюйму, я кладу голову на землю и жду смерти. Я слишком устала, чтобы бояться. Надо мной – чернота, вокруг меня – чернота, звуки леса – мое отпевание. Я на своих похоронах. Меня опускают в узкое темное место. Рядом стоят тетя Кэрол, и Хана, и моя мама, и сестра, и даже мой давно умерший отец. Они наблюдают за тем, как мое тело опускают в могилу, и они поют.

Я в черном туннеле. В туннеле туман, но мне совсем не страшно.

На выходе из туннеля меня ждет Алекс, он стоит в лучах солнца и улыбается.

Он протягивает ко мне руку, зовет...

«Эй! Эй! Очнись!»

– Эй! Очнись! Ну давай же, давай.

Голос вытягивает меня обратно из черного туннеля. Я вижу перед собой незнакомое лицо и на секунду чувствую разочарование. Это не Алекс. Я не могу думать, мир рассыпался на отдельные фрагменты. Черные волосы, острый нос, яркие зеленые глаза – кусочки пазла, который мне не собрать.

– Давай же, вот так, не отключайся, оставайся со мной.

Брэм, где, черт подери, вода?

У меня под шеей чья-то рука. А потом вдруг – избавление. Холод и влага. Вода заполняет мой рот, мое горло, стекает по подбородку, она смывает грязь и вкус дыма. Сначала я кашляю, давлюсь, почти плачу. Потом глотаю, поглощаю, всасываю, а чья-то рука остается у меня под шеей, и голос продолжает меня поддерживать.

– Вот так, правильно. Пей сколько надо. Все хорошо.

Теперь ты в безопасности.

Черные распущенные волосы как палатка надо мной. Женщина. Нет, девушка. Девушка с тонким ртом, у нее морщинки вокруг глаз, а руки жесткие, как ивняк, и большие, будто корзины.

«Спасибо, – мысленно говорю я, – мама».

– Ты в безопасности. Все хорошо. Ты в порядке.

Так появляются на свет дети – их укачивают чьи-то руки, они пьют, они беспомощны.

А потом лихорадка утаскивает меня обратно. Я редко вынырываю в реальность. Ощущения разрозненные: еще чьи-то руки; голоса людей; меня поднимают с земли; надо мной калейдоскоп зелени с вкраплениями кусочков неба. Через какое-то время: запах костра; что-то холодное и влажное прикладывают к моей коже; дым и приглушенные голоса; обжигающая боль в боку; лед и облегчение. По моим ногам скользит что-то мягкое.

А в промежутках – сны. Таких снов я никогда прежде не видела, в них взрывы и насилие, в них плавится кожа и становятся черными от огня кости.

Алекс больше ко мне не вернется. Он ушел вперед, исчез в конце туннеля.

Почти каждый раз, когда я прихожу в себя, эта девушка рядом. Она заставляет меня пить или прикладывает холодное полотенце к моему лбу. Ее руки пахнут дымом и кедром.

И всегда, сплю я, или брежу в лихорадке, или ненадолго прихожу в себя, я слышу это слово. Она повторяет его снова и снова, это слово проникает в мои сны и постепенно отгоняет мрак и выталкивает меня на свет.

«Ты в безопасности. В безопасности. Теперь ты в безопасности».

Не знаю, сколько это длилось, но в конце концов лихорадка отступает, и я, ухватившись за это слово, возвращаюсь в реальность, плавно, как на гребне волны к берегу.

Еще не открыв глаза, я слышу, как брякают тарелки, чувствую запах чего-то жареного и слышу приглушенные голоса. Первая мысль – я дома, в доме тети Кэрол, она сейчас позовет меня завтракать. Утро как утро.

А потом внутри что-то щелкает, и ко мне возвращается память: бегство с Алексом, неудавшийся побег, дни и ночи, которые я в одиночестве провела в Дикой местности. Я распахиваю глаза и пытаюсь сесть. Но тело отказывается подчиняться, все, что я могу, – это приподнять голову, такое ощущение, словно меня замуровали в камень.

Черноволосая девушка, та, которая, как я понимаю, нашла меня и с друзьями принесла сюда (что это за «сюда», я не знаю), стоит в углу возле большой каменной раковины. Она слышит, что я пошевелилась, и резко оборачивается на звук.

– Тихо, – говорит девушка.

Она вынимает руки из раковины, руки у нее мокрые по локоть, а лицо встревожено, как у дикого животного. У нее мелкие зубы, слишком мелкие для ее рта и чуть кривоватые. Девушка проходит через комнату и присаживается возле меня на корточки.

– Ты целые сутки была без сознания.

– Где я? – сипло спрашиваю я.

Слова даются мне с трудом, я сама не узнаю свой голос.

– На Базе, – отвечает девушка и внимательно смотрит на меня. – Во всяком случае, так мы называем это место.

– Нет, я хотела спросить... – Я пытаюсь сложить в голове все, что случилось после того, как я перелезла через пограничное ограждение, но могу думать только об Алексе. – Это... это Дикая местность?

На лице девушки мелькает странное выражение... подозрение, что ли?

– Мы в свободной зоне, это да, – осторожно отвечает она, потом без лишних слов встает и уходит в черный проход в стене.

Из глубины здания до меня доносятся неразборчивые голоса. На секунду я чувствую укол страха – что, если говорить «Дикая местность» было неправильно? Вдруг эти люди опасны? Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь называл неконтролируемые территории «свободная зона».

Нет, нет, кто бы ни были эти люди, они наверняка на моей стороне. Они спасли меня, ухаживали за мной.

У меня с трудом получается занять положение «полусидя», я прислоняюсь затылком к стене из камня. Вся комната каменная, включая пол. Стены из неотесанного камня кое-где покрыты тонкой пленкой черной плесени, раковина допотопных времен, тоже каменная, с ржавым краном, который явно уже давным-давно не работает. Я лежу на узкой жесткой койке, покрытой старыми, протертыми до дыр одеялами. Эта койка плюс несколько жестяных ведер в углу под неработающей раковиной да один-единственный деревянный стул – вот и вся обстановка. В комнате нет окон и ламп тоже нет, только два работающих на батарейках фонаря светят тусклым голубоватым светом. На одной из стен висит небольшой деревянный крест с фигурой распятого человека. Я узнаю этот символ одной из старых религий времен до процедуры исцеления, только не могу вспомнить, какой именно.

Флэшбэк – начальный курс истории Америки, миссис Дернлер сверкает глазами из-под огромных очков и тычет пальцем в открытый учебник.

– Видите? Видите? – говорит она. – Эти старые религии все замараны любовью. От них исходит запах этой скверны, они источают делирию.

И естественно, тогда это звучало устрашающе и казалось правдой.

Любовь самое смертоносное оружие на свете.

Она убивает...

Алекс.

И когда она присутствует в твоей жизни...

Алекс.

И когда ты живешь без нее...

Алекс.

В комнату возвращается черноволосая девушка, в руках она с осторожностью держит глиняную миску.

– Когда мы тебя нашли, ты была полуживой, – сухо говорит она. – Скорее мертва, чем жива. Мы не думали, что ты сможешь выкарабкаться, но я решила, что нам стоит попробовать.

Девушка с сомнением смотрит на меня, как будто не до конца уверена, что приняла правильное решение. На секунду у меня перед глазами возникает образ кузины Дженни, она стоит, уперев руки в бока, и критически меня разглядывает. Я вынуждена зажмуриться, чтобы противостоять потоку воспоминаний и картинок из жизни, которая навсегда ушла в прошлое.

– Спасибо, – говорю я.

Девушка пожимает плечами, но все же отвечает:

– Рада помочь.

И кажется, она говорит это искренне. Потом она придвигает стул к моей койке и садится. Ее длинные волосы убраны за уши, на шее за левым ухом я замечаю метку исцеленного – шрам из трех точек, – такая же метка была у Алекса. Но девушка не может быть исцеленной, она здесь, по другую сторону границы, она – заразная.

Я хочу сесть нормально, но после нескольких секунд борьбы со слабостью сдаюсь. Я чувствую себя как марионетка на полпути к оживлению. В глазах резь, я смотрю вниз и вижу, что кожа моя вся в царапинах, ссадинах, струпьях и укусах moskitov.

В миске, которую держит в руках девушка, практически прозрачный бульон с легким оттенком зелени. Девушка протягивает мне миску, а потом вдруг замирает.

– Ты сможешь ее удержать? – с сомнением в голосе спрашивает она.

– Конечно смогу. – Я не хочу этого, но ответ звучит чересчур резко.

Миска тяжелее, чем я предполагала, мне стоит немалых усилий поднести ее ко рту, но все-таки у меня это получается. Такое ощущение, будто у меня гортань ободрали наждачной бумагой, бульон обжигает, и, хоть у него странный привкус болота, я, сама того не ожидая, начинаю жадно пить его большими глотками.

– Не спеши, – говорит девушка.

Но я не могу остановиться, внутри меня вдруг поселяется голод, он как черная всепожирающая бездна. Бульон исчезает в этой бездне, и я, хоть у меня сразу начинаются спазмы в желудке, отчаянно хочу получить добавку.

Девушка берет у меня пустую миску и качает головой.

– Так тебя может вырвать.

– А можно еще? – каркающим голосом спрашиваю я.

– Попозже.

– Пожалуйста.

Голод, как змея, свернулся кольцом в моем желудке и пожирает меня изнутри.

Девушка вздыхает, встает и уходит в черный дверной проем. Мне кажется, что шум голосов в коридоре становится громче, потом они вдруг смолкают, и в комнату возвращается черноволосая девушка со второй миской бульона в руках. Она передает мне миску, снова садится на стул и, как маленькая девочка, поджимает коленки к груди. Коленки у нее смуглые и худые.

– Ну, рассказывай. Где ты перешла границу? – Девушка видит, что я не готова ответить, и продолжает: – Все нормально. Если не хочешь, можешь не говорить.

– Нет, нет, все хорошо.

Теперь я уже медленнее, мелкими глотками, пью бульон, смакую странный привкус, как будто его сварили из земли и камней. Насколько я знаю, такое вполне возможно – Алекс как-то сказал мне, что заразные (люди, которые живут в Дикой местности) научились обходиться минимальным набором продуктов. Миска очень быстро оказывается пустой, а змея у меня в желудке все равно продолжает бить хвостом.

– Я из Портленда. А где мы сейчас?

– В нескольких милях к востоку от Рочестера, – говорит девушка.

– Рочестер. Это в Нью-Гемпшире? – спрашиваю я.

– Ага. – Девушка ухмыляется. – Наверное, ты его весь протопала. Долго шла?

– Не знаю.

Я снова прислоняюсь к стене. Рочестер, Нью-Гемпшир. Значит, хоть я и пересекла северную границу города, потом, уже в Дикой местности, я сделала крюк и в итоге оказалась в шестидесяти милях к юго-западу от Портленда. Я проспала, наверное, не один день, но меня снова одолевает слабость.

– Я потеряла счет времени.

– А ты крутая, – говорит девушка. Я не понимаю значения этого выражения, но догадываюсь. – Как перешла границу?

– Я не... я переходила не одна. – Змея внутри меня еще яростнее колотит хвостом. – То есть я не должна была быть одна.

– С тобой был кто-то еще? – Девушка пристально смотрит на меня, глаза у нее почти такие же черные, как ее волосы. – Друг?

Я не знаю, как ее поправить. Мой лучший друг? Мой парень? Моя любовь? Я еще не научилась вот так запросто произносить это слово, мне кажется это кошунством. Поэтому я просто киваю в ответ.

– Что случилось? – уже мягче спрашивает девушка.

– Он... он не смог.

Когда я говорю «он», в глазах девушки вспыхивает искра понимания. Если мы вместе бежали из Портленда, города сегрегации по половому признаку, значит, мы были больше чем просто друзья. Я благодарна, что девушка не делает на этом акцент.

– Мы смогли пробиться к границе, но потом появились регуляторы и пограничники... – Боль у меня в желудке набирает силу. – Их было слишком много.

Девушка резко встает со стула, приносит к кровати одно из жестяных ведер, которые стоят под раковиной, и снова садится.

– До нас доходили слухи, – говорит она. – Рассказывали о серьезном побеге из Портленда. Говорят, задействовали большие силы полиции, власти все сделали, чтобы замолчать этот инцидент.

– Так вы знаете? – Я снова пытаюсь сесть, но спазм в желудке не дает это сделать. – Вам говорили, что случилось с моим... с моим другом?

Я спрашиваю, хотя сама знаю ответ. Конечно, я его знаю.

Я видела, как он там стоял, весь в крови, а они набросились на него, как черные муравьи из моего сна.

Девушка не отвечает, она просто сжимает губы, так что они превращаются в тонкую линию, и встряхивает головой. Но ей не надо ничего говорить, все и так ясно, ответ написан на ее лице.

Змея окончательно распускает свои кольца и начинает дергаться с бешеной силой. Я закрываю глаза. Алекс, Алекс, Алекс. Он для меня – все, он – моя новая жизнь, надежда на лучшее. Теперь все это рухнуло, обратилось в прах. Больше ждать нечего.

– Я надеялась...

У меня перехватывает дыхание, эта гадина в желудке начинает продвигаться к моему горлу.

Девушка снова вздыхает, я слышу, как она встает и отодвигает стул от кровати.

– Я думала... – Тошнота не дает говорить, я с трудом выдавливаю из себя слова. – Я думала, что еще...

Тут я свешиваюсь с кровати и меня рвет в ведро, которое девушка уже поставила рядом, мое тело выкручивает от накатывающих спазмов.

– Я так и знала, что этим кончится, – говорит девушка и качает головой, потом исчезает в темном коридоре, но через секунду снова заглядывает в комнату. – Кстати, меня зовут Рейвэн.¹

– Лина, – говорю я, после чего меня рвет с новой силой.

– Лина, – повторяет за мной девушка, постукивая костяшками пальцев по стене. – Добро пожаловать в Дикую местность.

После этого она исчезает, а я остаюсь наедине с ведром.

Позже днем Рейвэн возвращается, и я снова пытаюсь усвоить бульон. На этот раз я пью маленькими глотками, и у меня получается удержать его в желудке. Я все еще такая слабая, что с трудом удерживаю миску у рта, поэтому Рейвэн мне помогает. Мне следовало бы смутиться, но я ничего не чувствую. Тошнота отступила, и ее место тут же занял ступор, я словно погружаюсь под воду.

– Хорошо, – одобрительно говорит Рейвэн, после того как я выпиваю половину миски, и снова уходит из комнаты.

Теперь, когда я в сознании, все, чего мне хочется, – это заснуть. Во сне я хотя бы могу вернуться к Алексу, могу перенестись в другой мир. Здесь, в этом мире, у меня нет ничего – ни семьи, ни дома, ни места, куда можно было бы пойти. Алекса больше нет. Но теперь и я никто.

Я не могу даже плакать, внутри меня все превратилось в пепел. Снова и снова я вспоминаю, как в тот последний момент обернулась и увидела его за стеной дыма. Мысленно я пытаюсь вернуться туда, за пограничное ограждение, за стену из дыма. Тянусь к нему, хватаю за руку и тяну к себе.

«Алекс, вернись».

Все кончено, остается одно – идти ко дну. Часы смыкаются вокруг меня, как стенки могилы.

Спустя какое-то время я слышу шаркающие шаги, а потом эхо смеха и разговоров. Ну, хоть на этом можно сконцентрироваться. Я пытаюсь угадать, сколько людей принимает участие в разговоре, но мне удастся лишь различить низкие голоса парней и мужчин, тоненькое хихиканье и редкие вспышки смеха. Один раз я слышу, голос Рейвэн, она кричит: «Ну хватит! Хватит!» Но в основном все это похоже на звучащую где-то вдалеке песню.

Конечно, то, что в Дикой местности девушки и парни живут в одном доме, логично. В конце концов, в этом весь смысл – свобода выбирать, свобода быть рядом, смотреть друг на друга, касаться, любить. Но одно дело – представлять это, другое – оказаться в такой реальности. Разница так велика, что я невольно начинаю паниковать. До встречи с Алексом я все свои неполные восемнадцать лет свято верила в систему, на сто процентов была уверена в том, что любовь – это болезнь, что мы должны защищать себя от нее, что девушки и юноши не должны общаться, потому что заразиться можно даже от одного взгляда, от одного прикосновения. И хоть общение с Алексом изменило меня, я не могу взять и стряхнуть с себя этот страх. Просто не могу.

Я закрываю глаза, делаю несколько глубоких вдохов, стараюсь пробиться сквозь реальность и снова погрузиться в сон.

– Ладно, Блу,² уходи отсюда. Пора спать.

Я распахиваю глаза. В дверном проеме стоит девочка лет шести-семи и с интересом за мной наблюдает. Она худенькая и очень загорелая, на ней грязные джинсовые шорты и хлопчатобумажный свитер размеров на четырнадцать больше, чем надо, он такой большой,

¹ Рейвэн (англ. raven) – иссиня-черный, цвета воронова крыла. (Здесь и далее прим. перев.)

² Блу (англ. blue) – синий.

что падает у нее с плеч и обнажает острые лопатки. Волосы у нее светлые и сальные, они длинные, почти до пояса, а на ногах у нее ничего нет. Рейвэн с тарелкой в руках пытается обойти девочку.

– Я не устала.

Девочка не отрывает от меня глаз, она прыгает с ноги на ногу, но в комнату пройти не решается. У нее глаза удивительного цвета, как ярко-синее небо.

– Не спорь, – говорит Рейвэн и на ходу легонько подталкивает девочку бедром. – Иди отсюда.

– Но...

– Блу, правило номер один? – уже строже спрашивает Рейвэн.

Блу кусает ноготь на большом пальце и бормочет:

– Слушать Рейвэн.

– Всегда слушать Рейвэн. А Рейвэн сказала тебе, что пора спать. Теперь давай отправляйся в постель.

Блу с разочарованным видом смотрит на меня в последний раз и убегает.

Рейвэн вздыхает и закатывает глаза, потом она придвигает к моей кровати стул и садится.

– Извини, – говорит она, – всем до смерти охота посмотреть на новенькую.

– Кому «всем»? – переспрашиваю я.

В горле у меня пересохло, сама я не могу встать с кровати и дойти до раковины, впрочем и так понятно, что воды в кране нет. В Дикой местности не может быть водопровода, все коммуникации разбомбили много лет назад во время блица.

– То есть я хотела спросить: сколько вас здесь?

Рейвэн пожимает плечами.

– Ну, знаешь, никогда нельзя сказать точно. Люди приходят и уходят, перемещаются между хоумстидами.³ Прямо сейчас нас здесь двадцать или около того, но в июне у нас тут бывает до сорока флоутеров,⁴ а зимой мы вообще закрываем этот хоумстид.

Я киваю, хотя все эти «хоумстиды» и «флоутеры» сбивают меня с толку. Алекс мне почти ничего не рассказывал о Дикой местности. На неконтролируемых территориях я была всего один раз, нам тогда удалось успешно пересечь границу и вернуться обратно. Это было до нашего большого побега.

«До нашего большого побега».

Я стискиваю кулаки так, что ногти впиваются мне в ладони.

Рейвэн пристально смотрит мне в глаза:

– С тобой все в порядке?

– Я бы воды попила, – отвечаю я.

– Вот, держи.

Рейвэн передает мне тарелку, на тарелке два маленьких круглых пирожка, они похожи на оладьи, только темные и более зернистые. Потом она берет с полки в углу мятую консервную банку, зачерпывает ею воду из одного из ведер под раковиной и приносит мне. Остается только надеяться, что это ведро не служит по совместительству как емкость для рвоты. Рейвэн замечает, что консервная банка вызывает у меня некоторое удивление.

– Тут со стаканами проблема, – объясняет она и добавляет: – Бомбардировки.

Рейвэн произносит это слово так обыденно, как домохозяйка – «грейпфрут» в продовольственном магазине. Как будто такое происходит в мире чуть ли не каждый день. Она

³ Хоумстид (*англ. homestead*) – участок поселенца.

⁴ Флоутер (*англ. floater*) – человек, часто меняющий место работы; сезонный работник.

снова садится и отбирает смуглыми пальцами несколько прядей своих длинных волос и начинает с задумчивым видом заплетать косичку.

Я подношу банку к губам, края у нее с зазубринами, так что пить приходится осторожно.

– Мы здесь умеем обходиться малым, – с гордостью в голосе говорит Рейвэн. – В ход идет все – отбросы, хлам, кости. Ты увидишь.

Я перевожу взгляд на тарелку, которая лежит у меня на коленях. Есть хочется, но слова «отбросы» и «кости» наводят на неприятные мысли.

Рейвэн смеется, видно, она поняла, о чем я думаю.

– Не волнуйся, – говорит она, – это съедобно. Немного орехов, немного муки, немного масла. Не самое вкусное, из того, что ты пробовала в своей жизни, но зато поможет встать на ноги. У нас припасы на исходе, не было недельной поставки. Знаешь, этот побег здорово по нам ударил.

– Мой побег?

Рейвэн кивает.

– Последнюю неделю заграждение держат под током, удвоили охрану. – Я открываю рот, чтобы как-то извиниться, но Рейвэн не дает мне сказать ни слова. – Все нормально. Они так всегда делают после нарушения границы. Боятся, что начнутся волнения и люди хлынут в Дикую местность. Пройдет несколько дней, и они снова обленятся, тогда мы пополним свои запасы. А пока, – Рейвэн кивает в сторону тарелки, – орехи.

Я откусываю маленький кусочек от пирожка. Вообще-то вполне съедобно – теплый, похрустывает и чуть жирный, от него кончики пальцев становятся блестящими и скользкими. По мне, так гораздо вкуснее, чем бульон, и я говорю об этом Рейвэн.

Рейвэн довольна, она широко улыбается.

– Да, Рауч⁵ – наш шеф-повар, он может из ничего приготовить вкуснятину. Ну, не вкуснятину, а вполне хорошую еду.

– Рауч? Это его настоящее имя?

Рейвэн заканчивает плести косичку, перекидывает ее через плечо и начинает заплетать новую.

– Такое же настоящее, как и все другие, – говорит она. – Рауч в Дикой местности всю жизнь. Родился в одном из хоумстидов на юге, ближе к Делавэру. Там его так и называли. Когда он здесь появился, он уже был Раучем.

– А Блу? – спрашиваю я.

Я доедаю первый пирожок до последней крошки, и меня не тошнит, но я не хочу искушать судьбу и ставлю тарелку со вторым пирожком на пол рядом с кроватью.

Рейвэн колеблется какую-то долю секунды, а потом отвечает:

– Она родилась здесь, в этом хоумстиде.

– И вы называли ее так из-за цвета глаз?

Рейвэн резко встает и, уже отвернувшись от меня, говорит:

– Угу.

Она подходит к полкам над раковиной и выключает один из фонарей. В комнате итак полумрак, а теперь становится еще темнее.

– А ты?

Рейвэн указывает на свои волосы и улыбается:

– Не очень-то оригинально.

– Нет, я не об этом. Ты сама здесь родилась? В Дикой местности?

⁵ Рауч (англ. goach) – повар.

Улыбка мгновенно исчезает с лица Рейвэн, как будто свечу задули. На секунду мне даже кажется, что она сердится.

– Нет, – коротко отвечает Рейвэн, – я пришла сюда, когда мне было пятнадцать.

Я знаю, что мне не следует этого делать, но не могу удержаться и продолжаю расспрашивать.

– Одна?

– Да.

Рейвэн берет с полки второй фонарь и направляется к двери.

– А как тогда... Как тебя звали раньше? Я имею в виду, до того, как ты оказалась здесь.

Рейвэн на секунду замирает, а потом поворачивается кругом. Фонарь она держит низко, так что я не могу разглядеть в темноте ее лицо, вижу только, как блестят глаза, словно черные камни в лунном свете.

– К этому тебе тоже придется привыкнуть, – тихо говорит Рейвэн, по голосу слышно, что она напряжена. – То, кем ты была, твоя прошлая жизнь, люди, которых ты знала... прах. – Она встряхивает головой и говорит твердо и уверенно: – Нет никакого «раньше». Есть только сейчас и то, что будет потом.

После этого Рейвэн с фонарем в руке исчезает в коридоре, а я остаюсь в полной темноте. Сердце у меня колотится, как после пробежки.

На следующее утро я просыпаюсь с диким желанием что-нибудь съесть. Тарелка со вторым пирожком все еще здесь, стоит на каменном полу рядом с кроватью. Я тянусь к ней и, не удержавшись, падаю и приземляюсь на колени. По пирожку ползает какой-то жук, в нормальных обстоятельствах у меня эта картинка наверняка отбила бы аппетит, но сейчас я слишком голодна, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Я щелчком сбрасываю жука с пирожка и смотрю, как он быстро убегает в угол комнаты, а потом начинаю жадно есть. Покончив с пирожком, я облизываю пальцы – голод отступил, но совсем чуть-чуть.

Медленно, опираясь на кровать, я встаю на ноги. Это происходит в первый раз за все дни моего пребывания в этом месте, до этого я только ползком добиралась до таза, который Рейвэн поставила для меня в углу вместо туалета. Сажу на корточках, голова опущена, ноги трясутся – я больше даже не человек, я – животное.

Я так ослабла, что еле-еле добредаю до двери и, чтобы не упасть, хватаюсь за ручку. Иногда в бухте в Портленде я замечала серых цапель – такие птицы с разбухшим зобом под клювом, пузатые, на длинных и тонких, как прутики, ногах. Сейчас я примерно так себя и чувствую – непропорциональная и кривобокая.

Дверь из моей комнаты ведет в длинный темный коридор, в коридоре тоже нет окон. Я слышу голоса людей, смех, скрип отодвигаемых стульев, плеск воды. Кухонные звуки. Звуки, связанные с едой. Коридор узкий, я, держась за стены, бреду вперед и постепенно начинаю ощущать свои ноги и тело. В проходе слева нет двери, он ведет в большую комнату, в которой у одной стены сложены медикаменты и моющие средства (марля, бесконечные тюбики с бацитрацином, сотни кусков мыла, бинты), а у противоположной на четырех тощих матрасах груды разной одежды и одеяла. Чуть дальше – еще одна комната. Эта, должно быть, служит общей спальней, в ней практически весь пол от стены до стены застелен матрасами, так что он похож на огромное лоскутное одеяло.

Я чувствую укол совести. Очевидно, что мне выделили самую лучшую кровать и самую лучшую комнату. Просто поразительно, как я могла столько лет верить во все эти слухи и рассказы. Я считала, что заразные – это не люди, а какие-то животные, думала, что при встрече они разорвут меня на части. Но эти люди спасли меня, они отдали мне самую лучшую комнату и кровать, выхаживали меня и ничего не попросили взамен.

Звери не здесь, а по другую сторону границы, эти монстры в униформе говорят вкрадчивыми голосами, лгут тебе и, не переставая улыбаться, перерезают горло.

Коридор резко сворачивает налево и голоса становятся громче. Теперь я чувствую запах еды, и в животе у меня начинает урчать. Еще комнаты, какие-то для сна, одна практически пустая, только ряды полок тянутся вдоль стен. В одном углу этой комнаты полдюжины банок с фасолью, полмешка муки и, глазам не верю, покрытая слоем пыли кофеварка, а в другом – ведра, банки из-под кофе и швабра.

Еще один поворот направо, и коридор резко заканчивается и переходит в просторную комнату, которая освещена гораздо лучше, чем все остальные. Вдоль одной стены тянется каменная раковина, такая же, как в моей комнате. Над раковиной – длинная полка, на этой полке установлены полдюжины фонарей, которые и заливают комнату теплым светом. В центре комнаты стоят два больших узких стола из струганых досок, все места за столами заняты.

Когда я вхожу в комнату, все разговоры сразу прекращаются, дюжины глаз смотрят в мою сторону, и я вдруг осознаю, что на мне, кроме большой, грязной футболки, которая доходит только до середины бедра, ничего нет.

В комнате мужчины сидят плечом к плечу с женщинами, люди самых разных возрастов, и все не исцеленные. Это настолько не соответствует реальности, в которой я выросла, что я замираю как вкопанная и едва могу дышать. Я открываю рот, чтобы заговорить, но не могу произнести ни звука. Одновременно на меня давят воцарившаяся в комнате тишина и еще все эти глаза.

Рейвэн приходит мне на помощь.

– Ты, наверное, проголодалась, – говорит она, встает и указывает на парнишку, который сидит в конце стола.

Парнишке, наверное, лет тринадцать-четырнадцать, он худой, жилистый, с редкими веснушками на лице.

– Сквирл,⁶ – резко обращается к нему Рейвэн. (Еще одно странное прозвище.) – Ты уже доел?

Парнишка скорбно смотрит на свою пустую тарелку, как будто может телепатически заставить материализоваться на ней очередную порцию еды.

– Ну да, доел, – медленно говорит он и снова смотрит на меня.

Я стою, обхватив себя руками за талию.

– Тогда вставай, Лине надо куда-то сесть.

– Но... – пытается протестовать Сквирл.

Рейвэн пронзает его взглядом:

– Вставай, Сквирл, нечего сидеть без дела. Иди проверь, есть ли сообщения в гнездах.

Сквирл недовольно смотрит на меня, но все-таки встает, отходит от стола и бросает свою тарелку в раковину.

Рейвэн уже села, но, услышав звук удара тарелки о каменную раковину, она оборачивается и говорит:

– Сам разбил, сам купил.

Это замечание вызывает смешки, а Сквирл с трагическим видом удаляется к лестнице в конце комнаты и, громко топая, поднимается вверх.

– Сара, положи Лине поесть, – говорит Рейвэн и возвращается к своей тарелке, в центре которой лежит горка какой-то серой каши.

⁶ Сквирл (англ. squirrel) – белка.

Девушка с невероятно большими глазами и с телом, словно скрученным из проволоки, охотно, как Джек-попрыгун, выскакивает из-за стола. Вообще-то все в этой комнате худые, на кого ни посмотришь: плечи, локти – сплошь одни острые углы.

– Иди сюда, Л-и-ина. – Девушке, кажется, доставляет удовольствие произносить мое имя, как будто это какая-то привилегия. – Я положу тебе поесть.

Она указывает в угол, там на дровяной печке стоит огромных размеров мятая кастрюля и накрытая крышкой покореженная сковорода, а рядом тарелки самых разных размеров и разделочные доски.

Это значит, что я должна пройти через всю комнату, мимо двух длинных столов. Если до этого я не очень уверенно стояла на ногах, то теперь опасаясь, что они подогнутся в любую секунду. Странно, но я физически ощущаю разницу в устремленных на меня взглядах мужчин и женщин. Взгляды женщин острые, оценивающие, а взгляды мужчин – горячие, они похожи на прикосновение. Мне становится трудно дышать.

Я ковыляю к печке. Сара одобрительно кивает, словно я ребенок, которого надо поощрить, хотя ей самой лет двенадцать, не больше. Я стараюсь держаться ближе к раковине, чтобы было за что ухватиться, если вдруг и правда подведут ноги.

Лица сидящих за столом людей расплываются, но некоторые я вижу отчетливо. Я вижу, как Блу смотрит на меня во все глаза. Вижу парня с копной светлых волос примерно моего возраста, у него такой вид, как будто он вот-вот рассмеется. Еще один парень, постарше первого, хмурится. Женщина с длинными распущенными темно-рыжими волосами. Наши глаза на секунду встречаются, и сердце у меня замирает.

«Мама», – думаю я.

До этого момента мне даже в голову не приходило, что мама может быть здесь, в этом месте, где-то в Дикой местности, в одном из хоумстидов, или как там еще они называют свои поселения. Женщина делает какое-то легкое движение, я вижу ее лицо и понимаю, что – нет, конечно, это не моя мама. Она слишком молода. Наверное, такой же была моя мама, когда покинула меня двенадцать лет назад. Мои воспоминания о ней такие смутные, ее образ исказили сны и время. Я даже не уверена, что узнаю ее, если нам когда-нибудь придется встретиться.

– Бурда, – говорит Сара, когда я добираюсь до печки.

Переход через комнату стоил мне немалых усилий, даже не верится, что когда-то я бегала не меньше шести миль в день и запросто могла, не снижая скорости, перемахнуть через Манджой-Хилл.

– Что?

– Бурда, – Сара поднимает крышку с оловянной кастрюли, – так мы это называем. Мы едим это, когда заканчиваются припасы. Овсяная мука, рис, иногда хлеб, все зернышки, что остались. Вывариваем из них все дерьмо, и вот, пожалуйста, бурда готова.

Я вздрагиваю. Мне не по себе оттого, что я слышу это слово от девочки. Сара берет пластиковую тарелку с полустертым рисунком каких-то зверушек и накладывает в нее порцию бурды. Люди у меня за спиной снова начинают переговариваться, комната наполняется гулом голосов, и мне становится немного легче, это означает, что я уже не предмет всеобщего внимания.

– Хорошая новость, – жизнерадостно продолжает Сара. – Рауч вчера вечером принес нам гостинец.

– Гостинец? – переспрашиваю я, пытаюсь усвоить малопонятный жаргон. – Какие-то припасы?

– Лучше. – Сара улыбается и снимает крышку со сковороды.

Под крышкой куски мяса с золотисто-коричневой хрустящей корочкой. Запах такой чудесный, что я готова расплакаться.

– Заяц.

Раньше я никогда не ела зайцев, я даже не думала, что их можно есть, особенно на завтрак, но я с радостью принимаю тарелку от Сары и едва удерживаюсь, чтобы не начать рвать мясо зубами, не отходя от печки. Вообще-то я бы предпочла остаться там, где стою. Где удобно, только не сидеть за столом со всеми этими незнакомыми, чужими людьми.

Сара, должно быть, чувствует мой страх.

– Идем, – говорит она, – можешь сесть рядом со мной.

Сара берет меня за локоть и ведет к столу. Это тоже удивительно. В Портленде, городе, окруженном границами, люди крайне редко дотрагиваются друг до друга. Даже мы с Ханой почти никогда не обнимались и не хлопали друг друга по плечу, а ведь она была моей лучшей подругой.

Я вздрагиваю и чуть не роняю тарелку.

– Спокойно.

Это белобрысый парень, который выглядит так, будто вот-вот рассмеется. Он поднимает брови, они у него тоже белые, их почти не видно. Я замечаю, что у него, как и у Рейвэн, под левым ухом метка прошедшего процедуру. Метка наверняка фальшивая, в Дикой местности живут только не исцеленные, те, кто решил бежать сам или кого вынудили бежать из окруженных границами городов.

– Ты в порядке?

Я не отвечаю. Не могу. В моем в мозгу мелькают слова, которые отпечатались в нем за годы жизни в страхе и недоверии: «незаконно», «неправильно», «сочувствующие», «болезнь». Я делаю глубокий вдох и стараюсь отогнать неприятные ощущения. Эти слова из Портленда, старые слова, они, как и Лина из Портленда, остались за пограничным загрязнением.

– Она в полном порядке, – отвечает вместо меня Сара. – Просто проголодалась.

– Я в порядке, – эхом повторяю я секунд на пятнадцать позже, чем следовало бы, и парень снова ухмыляется.

Сара садится на скамью и скользит от края, а потом хлопает ладонью по месту рядом с собой, которое только что освободил Сквирл. Ну, хоть не надо втискиваться между этими незнакомыми людьми. Я сажусь и устремляю взгляд в тарелку. Все снова смотрят на меня, я это чувствую. Потом снова начинаются разговоры, и меня, как уютное одеяло, укрывает шум голосов.

– Вперед, – говорит Сара и ободряюще кивает.

Она как минимум лет на шесть младше меня, но обращается со мной как с ребенком. Я и чувствую себя рядом с ней как маленькая.

– У меня нет вилки, – тихо говорю я.

Белобрысый парень услышал, что я сказала, и в этот раз засмеялся в голос. И Сара тоже.

– Нет ни вилок, ни ложек, – говорит она. – Ничего нет. Ты просто ешь.

Я набираюсь смелости и поднимаю глаза. Все смотрят на меня и улыбаются, им явно весело. Один седой мужчина, лет семидесяти, кивает мне, и я быстро опускаю глаза. Кажется, у меня все тело раскалилось от смущения. Естественно, что люди в Дикой местности не пользуются столовыми приборами и тому подобными вещами.

Я беру кусок зайца руками и откусываю кусочек. В следующую секунду я действительно готова расплакаться. Никогда в жизни я не ела ничего вкуснее.

– Здорово? – спрашивает Сара.

Я не в состоянии сказать ни слова и только киваю в ответ. В этот момент я забываю, что в комнате полно людей и все они смотрят на меня. Я, как зверь, рву мясо зубами, я пальцами зачерпываю кашу и запихиваю ее в рот. Даже эта бурда кажется мне вкусной. Тетя Кэрл с

ума бы сошла, если бы увидела такую картину. Когда я была маленькой, я не ела горошек, если горошинки касались цыпленка, я всегда все строго разделяла на своей тарелке.

Неожиданно быстро на тарелке остается только несколько начисто лишенных мяса косточек. Я слизываю с пальцев последний комочек бурды и вытираю рот тыльной стороной ладони. К горлу подкатывает тошнота, я закрываю глаза и усилием воли загоняю ее обратно.

Рейвэн неожиданно для меня встает и говорит:

– Ну ладно, пора приниматься за дело.

Люди выбируются из-за столов, я слышу обрывки фраз («Вчера поставил капканы», «Твоя очередь навестить бабушку»), они проходят мимо меня, складывают тарелки в раковину и поднимаются по лестнице сразу за дровяной печкой. Меня словно омывает река из человеческих тел, я ощущаю их тепло, запах. Я закрываю глаза, и, когда комната пустеет, тошнота каким-то образом отступает.

– Как себя чувствуешь?

Я открываю глаза – напротив, опершись обеими руками на стол, стоит Рейвэн. Сара по-прежнему сидит рядом, она поджала одну ногу и обнимает коленку, такая поза как раз подходит для девчонки ее возраста.

– Лучше, – отвечаю я, и это правда.

– Хорошо. Сара, потом можешь прогуляться с ней наверху. Лина, тебе было бы неплохо оглядеться и почувствовать, что такое хоумстид. Только не переусердствуй, мне совсем не хочется снова тащить твою задницу по лесу.

– Хорошо, – послушно говорю я, и Рейвэн, получив нужный ответ, улыбается.

Мне интересно: сколько ей лет? Она с такой легкостью говорит, кому что делать, хотя сама точно моложе, чем половина здешних «заразных».

«Хана здесь была бы такой же», – думаю я, и боль, как острый нож, снова бьет мне под ребра.

– И, Сара... – Рейвэн уже идет к лестнице. – Подыщи Лине какие-нибудь штаны на складе, хорошо? Чтобы она не болталась тут полуголая.

Я чувствую, что снова краснею, и поскорее оттягиваю футболку ниже к коленям. У Рейвэн мое дерганье вызывает смех.

– Не волнуйся, – говорит она, – там нет ничего такого, что мы не видели.

После этого она уходит к лестнице и поднимается, шагая через ступеньку.

Дома у тети Кэрол я каждый вечер мыла за всеми посуду, и я привыкла к этому. Но мыть посуду в Дикой местности – совсем другая история. Первое – это вода. Сара отводит меня в одну из комнат, мимо которой я проходила на пути в кухню.

– Это комната припасов, – говорит она, потом на секунду хмурится, оглядывая пустые полки и мешки с жалкими остатками муки, и объясняет, как будто я слепая: – Не очень-то много осталось.

У меня сжимается сердце, мне становится тревожно за нее, за Блу, за всех здесь... Они такие худые – кожа да кости.

– Здесь мы храним воду. Приносим утром. Ну, я не ношу, я еще маленькая для этого. Ребята носят, и Рейвэн иногда.

Сара уже стоит в углу возле ведер, которые, как я теперь вижу, полные. Она берет одно из ведер двумя руками и, кряхтя, отрывает его от пола.

– Еще одно не помешает. Маленькое сойдет.

После этого она, держа перед собой ведро с водой, которое, наверное, в половину ее роста, мелкими шажками уходит из комнаты.

Мне стыдно, но, оказывается, я с трудом могу поднять самое маленькое ведро. Металлическая ручка впивается в ладони, а они еще не зажили после моего похода через Дикую

местность, и я, даже не дойдя до коридора, вынуждена поставить его на пол и без сил при-
слоняюсь к стене.

– Ты как? – окликает меня Сара.

– Порядок! – отвечаю я немного резче, чем следовало бы.

Ни за что не позволю ей помогать мне. Я снова отрываю ведро от пола и делаю несколько неуверенных шагов, останавливаюсь, ставлю ведро, отдыхаю. Поднимаю, иду, опускаю, отдыхаю. Поднимаю, иду, опускаю, отдыхаю. К тому моменту, когда я добираюсь до кухни, у меня сбито дыхание, я взмокла, глаза щиплет от соленого пота. Хорошо, хоть Сара этого не видит, она сидит на корточках напротив печки и ворошит дрова палкой с обугленным концом.

– Воду кипятим по утрам, – говорит Сара, – чтобы очистилась. Так надо, а то будем поносить с завтрака и до обеда.

В последней фразе я слышу интонации Рейвэн, видимо, это одна из ее мантр.

– А где берете воду? – интересуюсь я и, пользуясь тем, что Сара сидит ко мне спиной, присаживаюсь отдохнуть на одну из скамеек.

– Из реки Кочеко, – отвечает Сара. – Это не очень далеко. Идти милую, самое большое – полторы.

Просто невероятно. Даже представить невозможно, как с полными ведрами пройти такое расстояние.

– И припасы мы тоже получаем по реке, – продолжает болтать Сара. – Друзья с той стороны так их нам переправляют. Кочеко протекает через Рочестер. – Сара хихикает. – Рейвэн говорит, что когда-нибудь придется заполнять бланк «цель поездки».

Сара подкидывает в печку дрова, потом встает и удовлетворенно кивает.

– Подогреем немного воду. Так посуда легче отмывается.

На одной из полок над раковиной стоит огромная, такая, что в ней ребенка искупать можно, кастрюля. Я даже не успеваю предложить помощь, Сара в одну секунду взбирается на край раковины и, балансируя там, как гимнастка, снимает кастрюлю с полки. А потом она бесшумно спрыгивает с раковины на пол.

– Вот так, – говорит Сара, у нее растрепался хвостик, и она убирает волосы с лица. – Теперь воду наливаем в кастрюлю, а кастрюлю ставим на печку.

Все в Дикой местности делается постепенно, медленными шажками. На все нужно время. Пока греется вода в кастрюле, Сара перечисляет людей, которые живут в этом хоумстиде. Вряд ли я сразу запомню все имена. Грэндпа⁷ – самый старый; Ла, сокращенное от Лаки,⁸ она потеряла палец из-за инфекции, но умудрилась остаться в живых и сохранить все остальные конечности; Брэм, сокращенное от Брэмбл,⁹ он чудесным образом был найден в зарослях ежевики, как будто это волки его туда затащили. Почти у каждого имени есть своя история, даже у Сары. Когда она впервые появилась в Дикой местности вместе со своей старшей сестрой, это было семь лет назад, она просила хоумстидеров дать ей какое-нибудь крутое имя типа Блэйд¹⁰ или Айрон,¹¹ но Рейвэн на это только рассмеялась. Она положила руку на голову девочки и сказала: «А по мне, ты самая настоящая Сара». Так она и осталась Сарой.

– А которая твоя сестра? – спрашиваю я.

⁷ Грэндпа (англ. grandpa) – дедушка.

⁸ Лаки (англ. lucky) – счастливчик.

⁹ Брэмбл (англ. bramble) – ежевика.

¹⁰ Блэйд (англ. blade) – лезвие.

¹¹ Айрон (англ. iron) – железо.

Я вспоминаю свою старшую сестру Рейчел, но не ту исцеленную, вечно пребывающую будто в тумане Рейчел, которая осталась в Портленде, а ту, которую еще хранят мои детские воспоминания. А потом я на секунду закрываю глаза, и образ сестры исчезает.

– Она больше здесь не живет. Ушла из хоумстида в начале лета. Присоединилась к «С». Она вернется за мной, когда я буду постарше и смогу им помогать.

В голосе Сары слышны гордые нотки, так что я одобрительно киваю, хотя сама понятия не имею, что такое «С».

Еще имена: Хантер,¹² светловолосый парень, который сидел за столом напротив меня.

– Это его имя из прошлого, – говорит Сара, а когда произносит слово «прошлого», понижает голос, как будто это какое-то ругательство. – На самом деле он вовсе не умеет охотиться.

Тэк.¹³ Этот пришел с севера несколько лет назад.

– Все говорят, что у него тяжелый характер. – Тут я снова слышу интонации Рейвэн, Сара озабоченно осматривает свою заношенную чуть ли не до дыр футболку и продолжает: – Но я так не считаю. Он всегда хорошо ко мне относится.

Судя по описанию Сары, Тэк – парень с черными волосами, который хмурился, когда я вошла в кухню. Если у него всегда такой недовольный вид, неудивительно, что люди думают, будто у него тяжелый характер.

– А почему его зовут Тэк? Сара хихикает.

– Такой же острый. Это его Грэндпа назвал.

Буду-ка я держаться подальше от этого Тэка, если вообще останусь в хоумстиде. Выбора у меня особого нет, но я чувствую себя здесь чужой, и какая-то часть меня даже сожалеет, что Рейвэн не оставила меня там, где нашла. Тогда я была ближе к Алексу. Он был в противоположном конце длинного черного туннеля. Я могла бы пройти через этот мрак и снова быть с Алексом. Наконец Сара объявляет:

– Вода готова.

Процесс мучительно медленный – мы заполняем раковину горячей водой, Сара аккуратно, не теряя ни капли, отмеряет мыло. Это еще одна особенность жизни в Дикой местности. Здесь все идет в дело, и не по одному разу, все отмеряется, дозируется.

– А Рейвэн? – спрашиваю я и опускаю руки в горячую воду.

– А что Рейвэн?

У Сары светлеет лицо, сразу видно, что она любит Рейвэн.

– У нее какая история? Она откуда? Где она жила раньше?

Даже не знаю, почему меня это так интересует. Наверное, просто любопытно узнать, как становятся такими, как Рейвэн, – уверенными, жесткими, сильными лидерами.

У Сары темнеет лицо.

– Нет никакого «раньше», – говорит она и впервые за целый час умолкает.

Посуду мы моем молча.

Когда все тарелки перемыты и приходит пора подобрать мне одежду, Сара снова становится разговорчивой.

Она отводит меня в небольшую комнату, которую я раньше приняла за одну из спален. Здесь повсюду разбросана одежда, кучи одежды на полу и на полках.

– Это наш склад, – тихонько посмеиваясь, говорит Сара и обводит комнату рукой.

– Откуда вся эта одежда?

¹² Хантер (англ. hunter) – охотник.

¹³ Тэк (англ. tack) – гвоздь с широкой шляпкой.

Я осторожно иду по комнате и наступаю то на рубашки, то на футболки, то на комочки носков – на полу нет ни дюйма свободного места.

– Нашли, – как то неопределенно отвечает Сара, а потом вдруг жестко так говорит: – Знаешь, блиц прошел не так, как они там говорят. Эти зомби врут. Они про все врут.

– Зомби?

Сара улыбается.

– Мы так исцеленных называем, тех, кто прошел процедуру. Рейвэн говорит, что они точно как зомби, говорит, что исцеление делает людей тупыми.

– Неправда, – автоматически реагирую я и чуть не добавляю, что это сильные эмоции делают людей глупыми, превращают их в животных.

«Свобода от любви приближает к Богу». Это максима из руководства «Безопасность, благополучие, счастье». Исцеление освобождает от сильных эмоций, привносит ясность в мысли и чувства.

Но, вспомнив «стеклянные» глаза тети Кэрл и лишенное всякого выражения лицо сестры, я готова согласиться, что определение «зомби» очень даже им подходит. И с тем, что в учебниках по истории писали, а учителя рассказывали нам неправду о блице, тоже. Нам внушали, что во время бомбардировок Дикая местность была зачищена на сто процентов и никаких «заразных», то есть хоумстидеров, не существует.

Сара пожимает плечами.

– Если ты умная, ты не равнодушная, если ты не равнодушная, ты любишь.

– Это тебе тоже Рейвэн сказала? Сара снова улыбается.

– Рейвэн – суперумная.

Приходится немного покопаться, но в конце концов я нахожу армейские штаны цвета хаки и хлопчатобумажную футболку с длинным рукавом. Надевать чужие трусики как-то уж слишком, и я остаюсь в своих. Сара просит меня выступить в роли модели, ей нравится это занятие, она умоляет примерить разные вещи и впервые ведет себя как самая обычная девчонка. А когда я, перед тем как переодеться, прошу ее отвернуться, смотрит на меня как на ненормальную. Понятно – в Дикой местности не привыкли уединяться. Но потом Сара все-таки пожимает плечами и отворачивается лицом к стене.

Так хорошо снять футболку, которую я ношу уже несколько дней. Я знаю, что пахну не очень, и смертельно хочу принять душ, но пока благодарна хоть за возможность надеть относительно чистую одежду. Штаны приходятся впору, сидят немного низко, но, когда я несколько раз подворачиваю их на талии, даже не волочатся по полу, а футболка мягкая и удобная.

– Неплохо, – говорит Сара, снова повернувшись ко мне лицом. – Теперь почти похожа на человека.

– Спасибо.

– Я сказала – почти, – говорит Сара и опять хихикает.

– Ну, тогда почти спасибо.

Найти обувь сложнее. Большинство людей в Дикой местности летом ходят босиком. Сара с гордостью демонстрирует мне свои ступни – они коричневые, с твердыми натоптышами. Но нам все же удастся найти пару кроссовок, которые только чуть-чуть мне великоваты, а с толстыми носками будут в самый раз.

Я присаживаюсь на одно колено, чтобы зашнуровать кроссовки, и сердце у меня в очередной раз сжимается от боли. Я столько раз это делала перед кроссом, в раздевалке, сидя рядом с Ханой, вокруг нас ходили туда-сюда девчонки, а мы подшучивали друг над другом и спорили, кто придет первой. Мне всегда казалось это само собой разумеющимся.

Впервые в голову закрадывается мысль о том, что лучше бы я не переходила границу. Но я тут же гоню ее прочь, загоняю вглубь, чтобы она больше никогда не возвращалась. Я

уже перешла границу, и Алекс умер за это. Нет смысла оглядываться назад. Я не могу себе такое позволить.

– Ты готова посмотреть весь хоумстид? – спрашивает Сара.

Даже несложный процесс переодевания забрал у меня много сил, но я отчаянно хочу выйти из замкнутого пространства и сделать поток свежего воздуха.

– Готова, покажи мне, – говорю я в ответ.

Мы проходим через кухню и поднимаемся по каменной лестнице, которая начинается в коридорчике за печкой. Сара взбегает по ступенькам и исчезает за крутым поворотом.

– Еще чуть-чуть! – кричит она мне.

Последний поворот винтовой лестницы, и ступеньки вдруг исчезают – я стою на мягкой земле, меня заливают яркий свет. От неожиданности я спотыкаюсь, чуть не падаю и на секунду слепну. Такое ощущение, будто оказалась во сне, я моргаю и пытаюсь сориентироваться в этом новом мире.

Сара стоит в нескольких футах от меня и, смеясь, поднимает руки над головой, словно купается в солнечном свете.

– Добро пожаловать в хоумстид, – говорит она и исполняет несколько па на траве.

Место, где я отлеживалась, находится под землей. Мне следовало бы догадаться – там нет окон, сыро, а лестница ведет наверх и резко обрывается. Здесь должен стоять дом, какое-нибудь строение, но вместо этого я вижу заросшую зеленой травой поляну с обугленными досками и большими обломками камней.

Я не готова ощущать кожей солнечное тепло, не готова вдыхать запах зелени и зарождающейся жизни. Вокруг поляны высоченные деревья, листья по краю прихватила желтизна, как будто их тихонько подпаливают, а земля словно одеяло из лоскутов тени и света. На секунду во мне просыпается какое-то старое глубокое чувство, я готова упасть на землю и заплакать или поднять руки к небу и кружиться на траве. После стольких дней под землей я хочу впитать в себя все, что меня окружает, – весь этот свет и воздух.

– Здесь была церковь, – объясняет Сара и показывает мне за спину, на потрескавшиеся камни и почерневшие от огня бревна. – Но подвал после бомбежки остался. В Дикой местности полно таких подземных укрытий, бомбы до них не добрались. Ты еще увидишь.

– Церковь? – переспрашиваю я.

Странно. В Портленде наши церкви построены из металла и стекла, у них белые оштукатуренные стены. Это места обеззараживания, в них с помощью микроскопов и центрифуг прославляется и демонстрируется чудо жизни, божественная наука.

– Старая церковь, – говорит Сара. – Здесь таких много. В западной стороне Рочестера даже осталась одна целая. Я тебе когда-нибудь покажу, если хочешь. – Потом она хватается за край футболки и тащит за собой. – Идем. Тут есть еще что посмотреть.

В Дикой местности я была один-единственный раз вместе с Алексом. Он перевел меня через границу, чтобы показать место, которое считал своим домом. То поселение, как и это, было на большой поляне, там тоже когда-то жили люди. Но здесь гораздо просторнее, повсюду полуразрушенные каменные арки и стены, а в одном месте – цементная лестница спиралью поднимается на несколько ступенек вверх и обрывается в пустоте. На последней ступеньке птицы свили себе гнезда.

Мы медленно идем по поляне, сырая трава местами доходит до колена. Мне тяжело дышать. Это мир руин, царство абсурда. Двери ведут в никуда; на пятачке бледно-зеленой травы стоит ржавый грузовик без колес, а сквозь его кузов прорастает дерево; повсюду куски оплавленного, искореженного металла.

Сара идет рядом, теперь, когда мы оказались на поверхности, она чуть не подпрыгивает от радостного возбуждения и с легкостью лавирует между блестящими кусками железа

и острыми камнями в траве. А мне продвижение дается нелегко, я вынуждена постоянно смотреть под ноги.

– Когда-то здесь был город, – сообщает Сара. – А это, наверное, была главная улица. Тут еще очень много молодых деревьев, а вот от домов почти ничего не осталось. Так можно узнать, где был дом. Дерево, ясное дело, горит лучше. – Сара переходит на шепот и округляет глаза. – Знаешь, это ведь не бомбы все так разрушили. Это все пожары, которые начались после бомбежек.

У меня получается кивнуть головой в ответ. Сара показывает на еще одну большую поляну прямоугольной формы:

– А здесь была школа.

Голые деревья по периметру поляны посерели от пепла и похожи на худые, скрюченные, как веретено, призраки.

– Здесь были разбросаны железные шкафчики с открытыми дверцами. В некоторых еще оставалась одежда и всякие там мелочи.

На секунду у Сары становится такое лицо, будто она в чем-то виновата. И тут я понимаю, что одежда в той комнате, штаны и футболка, которые сейчас на мне, не появились из ниоткуда, все эти вещи были найдены в разбомбленных поселениях.

– Подожди секунду, – прошу я.

Я совсем запыхалась, и некоторое время мы стоим напротив старой школы, чтобы я могла собраться с силами. Мы стоим на открытом участке, приятно пригревает солнце, над головой щебечут и стремительно пролетают птицы. Я слышу, как где-то вдалеке перекрикиваются и смеются люди – это «заразные» идут через лес. Золотисто-зеленые листья опадают с деревьев и плавно кружат в воздухе.

На верхней ступеньке лестницы – наверное, тут было школьное крыльцо – сидит белка и быстро-быстро обрабатывает орех, который крепко держит в передних лапках. Крыльцо уже наполовину ушло в мягкую землю и все заросло полевыми цветами. Я думаю о том, как много ног ступало на то место, где сидит белка, думаю о маленьких детских руках, которые открывали замки на своих шкафчиках, представляю громкие голоса школьников, как они когда-то здесь бегали. Я пытаюсь представить, что здесь было во время бомбежек – паника, крики, огонь.

В школе нас учили, что блиц, то есть зачистка, прошел молниеносно. Нам показывали видеозаписи, на которых пилоты приветственно махали из кабин своих самолетов, а в это время бомбы падали куда-то далеко вниз, на зеленый ковер с малюсенькими деревьями, и в местах падения бомб возникали похожие на маленькие перышки струйки белого дыма. Ни паники, ни боли, ни криков. Просто целая популяция людей, неверующих и зараженных, тех, которые отказались переселяться на разрешенные для проживания и обнесенные границами территории, была уничтожена, причем уничтожена быстро, как будто кто-то коснулся кнопки на клавиатуре, и их всех не стало.

Но конечно, все было совсем не так. Так быть не могло. Естественно, в шкафчиках остались вещи – у детей просто не было времени забрать их, им надо было бежать из школы.

Кому-то из них, возможно, удалось спастись, и они стали жить в лесу. Но большинство из них погибли. Хотя здесь учителя говорили нам правду. Я закрываю глаза и чувствую, что меня качает.

– Ты в порядке? – спрашивает Сара и кладет мне на плечо худенькую, но сильную руку. – Мы можем пойти назад.

– Все нормально.

Я открываю глаза. Мы отошли от церкви всего на несколько сотен футов. Большая часть главной улицы все еще перед нами, и мне хочется осмотреть ее целиком.

Теперь мы даже сбавили шаг, Сара показывает на свободные от деревьев и кустарника поляны, на остатки фундаментов, где когда-то стояли: ресторан («Пицца-ресторан, здесь мы нашли печку»); кулинария («Там еще можно разглядеть вывеску, вон там, видишь, почти ушла под землю? „Сэндвичи на заказ“»); бакалейный магазин.

Вид бакалейного магазина, кажется, расстраивает Сару больше всего. Земля здесь разворочена, а трава еще моложе, чем в других местах, – признак раскопок, которые велись не один год.

– Мы долго находили здесь всякую еду. Ну, знаешь, консервы, даже кое-какие коробки и упаковки уцелели в пожаре. – Сара грустно вздыхает. – Но теперь здесь уже ничего не найдешь.

Идем дальше. Еще один ресторан, это можно понять, глядя на большую металлическую барную стойку и два стула, которые стоят, прижавшись друг к другу металлическими спинками; магазин скобяных товаров («Много раз спасал нам жизнь»). За скобяными товарами – старый банк. В этом месте тоже есть лестница, которая уходит под землю. Оттуда на солнечный свет выходит черноволосый парень. Постовой. На плече у него небрежно болтается винтовка.

– Привет, Тэк, – робея, говорит Сара.

Парень, проходя мимо Сары, ерошит ей волосы и говорит:

– Только мальчики. Ты это знаешь.

– Знаю, знаю. – Сара закатывает глаза. – Я просто показываю Лине, что тут и как. – Она поворачивается ко мне и объясняет: – Здесь спят мальчики.

Значит, заразные все-таки не совсем отказались от сегрегации. Этот маленький признак нормальности или, скажем, чего-то знакомого дарит мне облегчение.

Тэк переключает внимание на меня и хмурится.

– Привет, – говорю я.

Приветствие получается пискливым, тогда я пытаюсь улыбнуться, но безуспешно. Тэк очень высокий и, как все в Дикой местности, худой, но руки у него словно сплетены из мышц, а подбородок твердый и мужественный. Под левым ухом у Тэка тоже имеется метка исцеленного – шрам из трех порезов, которые образуют небольшой правильный треугольник. Интересно, эта метка фальшивая, как у Алекса, или он прошел процедуру исцеления, но она не сработала?

– Просто держись подальше от хранилища, – говорит Тэк.

Слова обращены к Саре, но смотрит Тэк на меня. Глаза у него холодные, взгляд – оценивающий.

– Мы и держимся, – отвечает Сара, а когда Тэк уходит, шепотом сообщает: – Он со всеми такой.

– Понятно, что имеет в виду Рейвэн, когда говорит, что у него тяжелый характер.

– Но ты не бери в голову. Я хочу сказать, он против тебя ничего не имеет.

– Не буду, – говорю я, но на самом деле эта короткая стычка на меня подействовала.

Все здесь не так, все вывернуто наизнанку, перевернуто с ног на голову: двери ведут в никуда, исчезнувшие дома, улицы, дорожные знаки до сих пор отбрасывают тень на настоящее. Я чувствую их присутствие, слышу шаги сотен ног, за песней птиц слышу давно стихший смех людей. Это место построено из эха и воспоминаний.

На меня вдруг навалилась страшная усталость. Мы прошли всего половину этой старой улицы, а моя решимость обойти все это место уже кажется бредом. Яркий солнечный свет, свежий воздух и свободное пространство вокруг лишают меня способности ориентироваться. Я поворачиваюсь вокруг оси, слишком быстро и слишком неуклюже, и спотыкаюсь об известняк в пятнах птичьего помета. Секунда свободного полета... и я приземляюсь в грязь лицом вниз.

– Лина! – Сара в то же мгновение оказывается рядом и помогает мне подняться на ноги. Я прикусила язык и теперь чувствую во рту привкус железа.

– Ты как?

– Дай мне секунду.

Мне не хватает воздуха, и я сажусь на этот чертов известняк. До меня вдруг доходит, что я даже не знаю, какой сейчас день и месяц.

– Какое сегодня число? – спрашиваю я Сару.

– Двадцать седьмое августа.

Сара все еще обеспокоенно смотрит на меня, но при этом держит дистанцию.

Двадцать седьмое августа. А я бежала из Портленда двадцать первого. Целую неделю я просуществовала в этом перевернутом мире.

Это не мой мир. Мой мир в сотнях миль отсюда – там двери ведут в комнаты, там белые чистые стены, там тихо гудят холодильники. В моем мире города аккуратно расчерчены на улицы, а в тротуарах нет ям. И снова мое сердце сжимается от боли. Я прижимаю колени к груди и обхватываю их руками. Меньше чем через месяц Хане предстоит пройти процедуру.

Алекс был тем, кто понимает мир, в котором я теперь оказалась. Он бы заново выстроил для меня эту уничтоженную бомбежками улицу, превратил бы ее в понятное для меня место. Алекс хотел показать мне Дикую местность. С ним мне не о чем было бы беспокоиться.

– Может, тебе что-нибудь принести? – неуверенно спрашивает Сара.

– Сейчас отпустит. – Я с трудом выдавливаю слова, боль не дает говорить. – Это из-за еды. Я к такому не привыкла.

Меня сейчас вырвет. Я зажимаю голову между колен и кашляю, чтобы подавить подкатывающие к горлу рыдания.

Но Сара, кажется, все понимает.

– Ты скоро привыкнешь, – очень тихо говорит она, и такое ощущение, что говорит она не о том, что я съела на завтрак.

После этого не остается ничего другого, кроме как идти обратно по разбомбленной дороге, по высокой траве с притаившимися в ней искореженными металлическими обломками.

Горе – это когда у тебя ничего не осталось. Тебя как будто хоронят, ты словно тонешь в мутной желто-коричневой воде. С каждым вдохом в горло заливается грязная жижа. Здесь не за что ухватиться, нет шансов вырваться на поверхность. Нет смысла бороться.

Надо оставить все так, как есть. Ты чувствуешь давление со всех сторон, твои легкие сжимаются. Ты не сопротивляешься и уходишь глубже и глубже. Нет ничего, только дно. Только привкус железа, эхо прошлого и дни, которые кажутся сплошной ночью.

Сейчас

Такой я была тогда: неуверенно стоящая на ногах, идущая ко дну, потерявшаяся в ярком солнечном свете девушка. Мое прошлое исчезло навсегда, я начинала жить с абсолютно чистого листа.

Но ты можешь построить свое будущее из чего угодно. Из какой-нибудь крошки или искры. Из желания двигаться вперед, медленно, один шаг за другим. Ты можешь построить на руинах просторный город.

А вот какая я сейчас: сижу – ноги вместе, руки на коленях. Воротничок шелковой блузки застегнут под самое горло, на стандартном шерстяном поясе от юбки герб средней школы для девочек «Куинси Эдвардс». Пояс колется, мне хочется почесаться, но я не могу себе этого позволить. Она воспримет это как признак того, что я волнуюсь. А я не волнуюсь, я больше никогда в жизни не буду волноваться.

Она моргает. Я – нет. Она – это миссис Тьюлл, директриса с лицом как у прижавшейся к стеклу аквариума рыбы, у нее неестественно большие, выпученные глаза.

– У тебя дома все хорошо, Магдалина?

Странно слышать из ее уст мое полное имя. Меня всегда звали Лина.

– Все хорошо, – отвечаю я.

Директриса просматривает бумаги на своем столе. В ее кабинете царит порядок, все на своих местах. Даже стакан с водой стоит строго по центру подставки. Исцеленные всегда тяготели к порядку, они любят все расправлять, выстраивать по ранжиру, корректировать. Чистота и аккуратность – признаки благочестия, порядок возвышает. Я так думаю, что это их пристрастие помогает им хоть чем-то заполнить долгие и пустые часы своего существования.

– Ты живешь с сестрой и ее мужем, это так?

Я киваю и повторяю краткую историю моей новой жизни.

– Мои родители погибли во время одного из инцидентов.

Это не такая уж и неправда. Пропавшая Лина тоже была сиротой, не хуже новой.

Мне не обязательно объяснять, что это был за инцидент, все уже слышали об этих событиях: в январе Соппротивление спланировало и впервые провело жестокую акцию, которую власти при всем желании не смогли бы скрыть. В нескольких крупных городах члены Соппротивления при поддержке сочувствующих и в некоторых случаях молодых не исцеленных устроили взрывы в важных муниципальных зданиях одновременно.

В Портленде выбор пал на «Крипту». В последующем за взрывом хаосе погибло несколько штатских. Полиция и регуляторы сумели восстановить порядок, но несколько сотен заключенных все же смогли убежать.

Ирония судьбы – моя мама десять лет потратила на то, чтобы процарапать в тюремной стене туннель для побега, а могла просто подождать еще шесть месяцев и спокойно выйти на свободу.

Миссис Тьюлл кривится.

– Да, я читала об этом в твоих документах.

За спиной у директрисы гудит увлажнитель, но воздух все равно сухой. В кабинете пахнет бумагой и немного лаком для волос. Сидеть здесь в шерстяной юбке жарко. У меня по спине тонкой струйкой стекает пот.

– Ты, похоже, трудно приспосабливаешься к новому коллективу. Это нас беспокоит, – говорит миссис Тьюлл и сверлит меня своими рыбьими глазами. – Ты ела завтрак в одиночестве.

Это уже обвинение.

Даже новая Лина немного растерялась. Хуже, чем отсутствие друзей, только жалость по этому поводу.

– Честно сказать, мне трудно найти общий язык с девочками, – говорит новая Лина. – Они кажутся мне немного... немного незрелыми.

Пока говорю, я слегка поворачиваю голову, так, чтобы директриса могла увидеть треугольный шрам у меня под левым ухом.

Выражение лица директрисы сразу становится мягче.

– Да, конечно. В конце концов, большинство девочек младше тебя, им еще нет восемнадцати, они не прошли процедуру.

Я развожу руками, как бы говоря: «В этом все и дело». Голос миссис Тьюлл звучит уже не так строго, но она со мной еще не закончила.

– Миссис Фиерштейн говорит, что ты опять заснула на ее уроке. Мы обеспокоены, Лина. Наша нагрузка для тебя слишком тяжелая? Ты не высыпaeшьсeя?

– Да, последнее время мне тяжело справляться с нагрузкой, – признаю я. – Это все из-за работы в АБД.

Миссис Тьюлл поднимает брови.

– Я не знала, что ты состоишь в АБД.

– Дивизион «А», – говорю я. – В следующую пятницу у нас большой митинг. Вообще-то сегодня у нас собрание по организационным вопросам, на Манхэттене. Я бы не хотела опоздать.

– Конечно, конечно, мне известно о митинге.

Миссис Тьюлл приподнимает стопку бумаг, постукивает краем стопки по столу, чтобы выровнять края, и убирает ее в полку. Можно смело сказать, что я выкрутилась. АБД – магические буквы. «Америка без делирии». Сезам, откройся! Теперь директриса – сама доброта.

– То, что ты пытаешься совмещать учебу с внепрограммной деятельностью, вызывает уважение. Мы поддерживаем то, чем занимается АБД. Но, Лина, постарайся найти баланс. Я бы не хотела, чтобы твои оценки ухудшились из-за твоей общественной деятельности, какой бы важной она ни была.

– Я понимаю, – говорю я и с виноватым видом опускаю голову.

Новая Лина хорошая актриса. Миссис Тьюлл улыбается.

– Теперь иди. Мы не хотим, чтобы ты опоздала на свое собрание.

Я встаю и вешаю сумку на плечо.

– Спасибо.

Миссис Тьюлл кивает в сторону двери, это означает, что я могу идти.

Я иду по коридору: безупречно чистый линолеум, белые стены, тишина. Все студентки уже разошлись по домам.

Потом открываю двустворчатые двери и вижу перед собой ослепительно белый пейзаж – ранний мартовский снег, резкий свет, стволы деревьев в черных ножках льда. Я запахиваю куртку, топаю к железным воротам и выхожу на Восьмую авеню.

Вот такая я теперь. Мое будущее здесь, в этом городе с сосульками, которые грозят в любую секунду сорваться с крыши и пронзить тебе голову.

Такого автомобильного движения, как в пригородах Нью-Йорка, я не видела в своей жизни. В Портленде мало у кого была машина на ходу. В Нью-Йорке люди богаче и могут позволить себе бензин. Когда я впервые оказалась в Бруклине, я часто гуляла по Таймс-сквер только для того, чтобы посмотреть на машины, иногда можно было увидеть сразу дюжину, как они едут одна за другой.

Но сейчас, пока я добираюсь на Манхэттен, движения почти нет. Мой автобус застыл за автобусом, который въехал задом в снежный, покрытый копотью занос, и к тому

времени, когда я добираюсь до Джавитс-центра, собрание АБД уже началось. На крыльце пусто, и в просторном холле тоже ни души, слышу только нарастающее гудение микрофона и бурные аплодисменты. Я поскорее иду к металлодетектору и демонстрирую содержимое своей сумки, потом встаю, расставив руки и ноги, а какой-то человек бесстрастно проводит металлоискателем по моей груди и между ног. Давно прошли те времена, когда меня смущали подобного рода процедуры. Дальше – к складному столику, который стоит как раз напротив массивной двустворчатой двери. За дверьми я слышу еще один всплеск аплодисментов и снова усиленный микрофоном громогласный, страстный голос. Слов не разобрать.

– Идентификационную карточку, пожалуйста, – скучным голосом говорит женщина-волонтер за столиком.

Я жду. Женщина сканирует мою карточку, а потом кивает мне в сторону двери.

Конференц-зал невероятных размеров – тысячи на две мест – и, как всегда, полон. Рядом со сценой, слева с самого края, есть несколько пустых стульев. Я прохожу вдоль стенки и стараюсь, не привлекая внимания, сесть на свободное место. Но волноваться не стоит. Все внимание собравшихся приковано к мужчине, который стоит за кафедрой. Атмосфера наэлектризована, такое ощущение, что тысячи и тысячи капель увеличиваются в размерах и вот-вот обрушатся с потолка вниз.

– ...этого недостаточно для гарантии нашей безопасности, – говорит мужчина за кафедрой.

Его голос заполняет конференц-зал. В свете флуоресцентных ламп черные волосы мужчины похожи на блестящий шлем.

– Нам рассказывают о риске, страданиях и побочных эффектах. Но что грозит нам, всему обществу, если мы не будем действовать? Если не настаивать на всеобщей защите, какая польза от частичного здоровья и благополучия?

Редкие аплодисменты. Томас поправляет запонки и наклоняется ближе к микрофону.

– Это должно быть нашей единственной целью. Эта цель должна объединить всех нас. В этом смысл нашей демонстрации. Мы требуем, чтобы наше правительство, наши ученые, наши учреждения защитили нас. Мы требуем, чтобы они верили в свой народ, верили в Бога и порядок. Разве сам Господь на пути к совершенному созданию тысячелетиями не отказывался от миллионов видов, которые были с какими-нибудь изъянами? Разве нас не учили, что и для создания лучшего общества необходимо вычищать из его рядов слабых и больных?

Аплодисменты нарастают. Я тоже аплодирую. Лина Морган Джонс аплодирует.

Это моя миссия, задание, которое мне дала Рейвэн. Наблюдать за АБД. Влиться в их ряды. Ждать.

Больше мне ничего не сказали.

– И наконец, мы требуем, чтобы правительство выполняло обещания, данные в руководстве «Ббс», а именно гарантировали нашим городам и нашим людям безопасность, благополучие и счастье.

Я наблюдаю. Ярко освещенные ряды.

Бледные, одутловатые лица. Испуганные и благодарные. Лица исцеленных.

Серый ковер вытоптали тысячи ног.

Рядом со мной лысый мужчина. Он сопит. Брюки подтянуты высоко на большой живот.

Возле сцены – небольшая огороженная площадка. За оградой – три стула. Занят только один.

Парень.

Из всего, что я вижу, этот парень – самый интересный объект. Все остальное – лица, ковер – такое же, как на всех собраниях АБД. Даже мой сосед. Иногда это толстый мужчина, иногда худой, иногда – женщина. Но это все равно – все они одинаковые.

Волосы у парня светлые, карамельного цвета, длиной до середины подбородка. Глаза темно-синие, цвета шторма. На нем красная рубашка поло с коротким, несмотря на погоду, рукавом и темные отутюженные джинсы. Все в нем говорит о богатстве. Он сидит, сцепив руки на коленях. Все в нем говорит о правильности. Даже то, как он смотрит на своего отца, – идеальное воплощение отработанной на практике отстраненности исцеленного.

Конечно, он не исцеленный... пока. Это Джулиан Файнмэн, сын Томаса Файнмэна, и, хотя ему уже исполнилось восемнадцать, он еще не прошел процедуру. До сегодняшнего дня ученые отказывались исцелить его, но в следующую пятницу, в день, когда на Таймсквер запланирован большой митинг АБД, все изменится. Джулиан пройдет процедуру, он станет исцеленным.

Может быть. А еще он может умереть, или его мозг пострадает настолько, что это будет равносильно смерти. Но Джулиан все равно пройдет процедуру. Его отец настаивает на этом. Сам Джулиан настаивает.

Лично я с ним никогда не встречалась, видела только фото на постерах и на обложках брошюр. Джулиан – знаменитость. Он – мученик святого дела, герой АБД, глава молодежного дивизиона организации.

Джулиан выше, чем я предполагала. И симпатичней. На фото не видно, какой у него мужественный подбородок или какие широкие плечи. У него фигура пловца.

На сцене Томас Файнмэн закругляется со своей речью.

– Мы не отрицаем то, что проводить процедуру до совершеннолетия рискованно, – говорит он, – но медлить с процедурой еще опаснее. Мы готовы принять последствия. У нас хватит мужества принести в жертву нескольких во имя блага большинства.

Файнмэн держит паузу, он наклонил голову и вежливо ждет, когда стихнут аплодисменты. На его часах бликует свет ламп. У сына и отца часы одной модели.

– А теперь я хочу представить вам того, кто воплощает в себе все ценности АБД. Этот молодой человек, как никто другой, понимает, насколько важно настоять на том, чтобы процедуру исцеления проходили несовершеннолетние, даже те, для кого это опасно. Он понимает, что ради процветания Соединенных Штатов, ради нашего счастья и безопасности порой необходимо пожертвовать благополучием одного человека. Жертвенность – синоним безопасности, а здоровой может быть только вся нация. Члены АБД, встречайте моего сына Джулиана Файнмэна.

Лина хлопает вместе со всем залом. Томас покидает сцену, его место занимает Джулиан. Отец спускается по ступенькам, сын поднимается, они коротко кивают друг другу. Никаких прикосновений.

Джулиан кладет на кафедру листки с записями. В какой-то момент зал заполняет усиленный динамиками звук шуршащей бумаги. Джулиан оглядывает собравшихся. На секунду его взгляд останавливается на мне, он приоткрывает рот, и сердце у меня замирает. Похоже на то, что он меня узнал. Потом его взгляд скользит дальше, и мое сердце снова начинает стучать. Кажется, у меня паранойя.

Джулиан регулирует микрофон под свой рост. Он еще выше, чем отец. Забавно, что они такие разные: Томас высокий и черный, агрессивного вида – ястреб; Джулиан высокий, широкоплечий и светлый, с неправдоподобно синими глазами. Только очертания подбородка у обоих одинаковые.

Джулиан проводит рукой по волосам. Мне интересно – волнуется он или нет. Но когда Джулиан начинает говорить, голос его звучит твердо и спокойно.

– Мне было девять, когда мне сказали, что я умираю, – просто говорит он.

И снова я чувствую, как ожидание повисает в воздухе, словно мерцающие в свете ламп капли воды. Мы все будто чуть сдвинулись вперед.

– Именно тогда начались припадки. Первый был таким сильным, что я чуть не откусил себе язык. А во время второго я серьезно ударился головой о камин. Это беспокоило моих родителей.

Что-то корчится внутри меня, где-то глубоко под панцирем, который я соорудила последние шесть месяцев, внутри фальшивой Лины с ее идентификационной карточкой и треугольным шрамом на шее. В таком мире мы живем. Это мир безопасности, счастья и порядка. Мир без любви.

Мир, где дети разбивают голову о камин и едва не откусывают себе язык, а их родители выражают обеспокоенность. У них не бывает сердечных приступов, они не сходят с ума от отчаяния. Это волнует их не больше, чем плохая оценка по математике, они так же обеспокоены, когда не успевают вовремя заплатить налоги.

– Доктора сказали, что у меня в мозгу растет опухоль, она и есть причина припадков. Операция по удалению опухоли опасна для жизни, они боялись, что я не выдержу. Но если бы они меня не прооперировали, если бы они позволили опухоли продолжать расти, у меня все равно не было бы шансов.

Джулиан на секунду умолкает, мне кажется, что он мельком посмотрел в сторону отца. Томас Файнмэн занял стул, который освободил его сын. Он сидит, положив ногу на ногу, лицо его абсолютно ничего не выражает.

– Никаких шансов, – повторяет Джулиан. – Так что причину болезни, опухоль, надо было удалить. В противном случае она бы начала разрастаться и заразила бы здоровые ткани.

Джулиан перелистывает свои записи и дальше читает, не отрывая глаз от страницы:

– Первая операция прошла успешно, и на какое-то время приступы прекратились. Потом, когда мне исполнилось двенадцать, они возобновились. Рак вернулся, на этот раз он атаковал ствол мозга.

Руки Джулиана сжимают края кафедры и сразу расслабляются. На секунду в зале воцаряется тишина. Капли, капли... мы, как капли, зреем и ждем, когда откроют кран, чтобы хлынуть в указанном нам направлении.

Джулиан поднимает голову от своих записей. У него за спиной установлен экран, на экране возникает его лицо, увеличенное в пятнадцать раз. Глаза – водоворот синего, зеленого и золотого цветов, как поверхность океана в солнечный день. Но мне кажется, что за привычным отработанным спокойствием в его глазах мелькает что-то еще, какое-то выражение, которое исчезает прежде, чем я успеваю дать ему определение.

– После той первой операции я перенес еще три, – говорит Джулиан. – Врачи удаляли опухоль четыре раза, и три раза она вырастала снова. Так будет распространяться болезнь, если ее не уничтожить раз и навсегда. – Джулиан держит паузу, чтобы до нас дошло значение сказанного. – К сегодняшнему дню я свободен от рака уже два года.

Всплеск аплодисментов. Джулиан поднимает руки, и в зале снова наступает тишина.

Джулиан за кафедрой улыбается, и огромный Джулиан в пиксельной версии на экране у него за спиной тоже.

– Врачи сказали, что еще одно хирургическое вмешательство в мозг может стоить мне жизни. Они уже удалили слишком много тканей. После процедуры исцеления я могу окончательно потерять способность регулировать свои эмоции. Могу потерять способность говорить, видеть, двигаться. – Джулиан немного сменил позицию за кафедрой. – Есть вероятность того, что мой мозг отключится навсегда.

Я ничего не могу с собой поделать, я перестаю дышать, как и все сидящие в зале. Один только Томас Файнмэн пребывает в расслабленном состоянии. Интересно, сколько раз он слышал эту речь?

Джулиан наклоняется на дюйм ближе к микрофону, и вдруг возникает ощущение, что он обращается к каждому человеку в зале лично. Голос его звучит тихо и убедительно. Он делится с нами секретом.

– Поэтому мне отказывали в процедуре исцеления. Больше года мы бились за то, чтобы это свершилось, и наконец дата процедуры назначена. Двадцать третье марта, в день нашего митинга, я буду исцелен.

Еще один всплеск аплодисментов, но Джулиан не обращает внимания – он еще не закончил.

– Это будет исторический день, пусть даже он будет последним днем в моей жизни. Не думайте, что я не сознаю, насколько это рискованно. Я сознаю.

Джулиан выпрямляется, голос его набирает силу, с каждым словом звучит громче. Глаза на экране ослепительно сверкают.

– Но выбора нет, так же как его не было, когда мне было девять лет. Мы должны уничтожить заразу. Мы должны вырвать ее с корнем, пусть и с риском для жизни. Если мы этого не сделаем, она будет разрастаться, будет распространяться все шире и, как самый страшный рак, подвергнет риску жизнь каждого гражданина нашей огромной и прекрасной страны. И я говорю вам – мы это сделаем. Мы должны это сделать. Мы уничтожим заразу, где бы она ни пряталась. Спасибо.

Вот оно. Свершилось. Он сделал это. Он «открыл кран». Все мы, созревающие в ожидании, хлынули к нему одной волной громогласных криков и аплодисментов. Лина аплодирует вместе со всеми, пока у нее не начинают гореть ладони, она продолжает аплодировать, пока у нее не отваливаются руки. Половина зала встала.

Кто-то начал выкрикивать:

– АБД! АБД!

И вскоре мы все скандируем:

– АБД! АБД!

Крики перерастают в оглушительный рев. В какой-то момент Томас Файнмэн присоединяется к своему сыну на сцене. Они стоят плечом к плечу с торжественным видом – один светлый, другой темный – и смотрят на нас. А мы хлопаем что есть силы, скандируем, ревом от восторга. Они – луна, мы – прилив, их прилив, под их руководством мы смоем с лица земли всю заразу на свете.

Тогда

В Дикой местности всегда кто-то болен. Как только я набираюсь сил, чтобы покинуть комнату для больных и переместиться на матрас на полу в общей спальне, мое место занимает Сквирл. А когда поправляется Сквирл, заболевает Грэндпа. По ночам в хоумстиде слышен удушливый кашель, горячечный бред, слышно, как кто-то мечется на постели. Эти звуки болезни эхом разносятся по комнатам и вселяют в нас страх. Все дело в нехватке места и в постоянном контакте. Мы живем буквально на головах друг у друга, дышим одним воздухом, чихаем, делимся всем и со всеми. И ничто и никто не бывает действительно чистым.

Нас мучает голод. Из-за голода люди становятся раздражительными. После моей первой вылазки на поверхность я вернулась назад, забила под землю, как зверь в нору. Проходит день, потом другой – поставок с припасами так и нет. Каждое утро кто-нибудь из хоумстидеров отправляется в какое-то место, где можно получить сообщение о поставках. Я догадываюсь, что у них есть свой способ связи с сочувствующими и участниками Сопротивления по ту сторону границы. Это все, чем я занимаюсь: слушаю, наблюдаю, стараюсь не высовываться.

Днем я сплю, а когда заснуть не получается, я закрываю глаза, мысленно возвращаюсь в дом номер тридцать семь на Брукс-стрит и представляю, что рядом со мной лежит Алекс. Я стараюсь нащупать дорогу обратно. Мне кажется, что если я смогу каким-то образом избавиться от тех дней, что прошли после побега, и залатаю эту дыру во времени, то смогу вернуть Алекса.

Но стоит мне открыть глаза, я снова здесь – лежу на матрасе на полу и по-прежнему дико хочу есть.

Проходит еще четыре дня. Теперь все передвигаются медленно, будто под водой. Поднять котелок для меня невыполнимая задача. Когда я пытаюсь быстро подняться на ноги, у меня начинает кружиться голова. Я вынуждена почти все время проводить лежа на полу. А когда встаю, то словно на стену натыкаюсь, все смотрят на меня с неприязнью, они не принимают меня. Может, мне это только кажется, но в любом случае это моя вина.

И в капканах добычи почти никакой. Рауч принес из леса пару зайцев, и все воспряли духом. Но мясо оказалось жестким – сплошные жилы и хрящи, а когда его разложили по тарелкам, порций едва хватило на всех.

В один из таких дней я подметаю складскую комнату (Рейвэн настаивает на том, чтобы мы продолжали двигаться и поддерживали чистоту) и слышу над головой крики, смех и звук быстрых шагов. Кто-то спускается по лестнице. Хантер, размахивая руками, входит в кухню, вслед за ним появляется женщина постарше, Мияко.

Я уже много дней не видела их или кого-нибудь другого в таком возбужденном состоянии.

– Где Рейвэн? – спрашивает запыхавшийся Хантер. Я только пожимаю плечами.

– Не знаю.

Мияко раздраженно выдыхает, и они с Хантером разворачиваются, чтобы снова подняться наверх.

– А что происходит? – интересуюсь я.

– Получили сообщение с той стороны, – отвечает Хантер.

Так здешние называют тех, кто живет в городах за пограничным ограждением: «та сторона», если в добром расположении духа, и «Зомбиленд», если нет.

– Сегодня придет посылка. Нужна помощь, чтобы перетащить все сюда.

Мияко оценивающе меряет меня взглядом.

– Ты сможешь помочь?

Я отрицательно трясую головой.

– Я... у меня сил не хватит.

Хантер и Мияко переглядываются.

– Другие помогут, – бормочет под нос Хантер, и они с Мияко, громко топая, поднимаются наверх, а я остаюсь одна.

Ближе к вечеру они возвращаются – десять человек, у каждого в руках плотные, блестящие от влаги мусорные мешки. Мешки бросили в реку Кочеко у границы, и течение принесло их к нам. Даже Рейвэн не удается сохранять порядок и сдерживать собственные эмоции. Все разрывают мешки с провизией и громко кричат и улюлюкают, когда содержимое высыпается на пол: банки с консервированной фасолью, с тунцом, цыплятами, консервированный суп; пакеты с рисом, мукой, чечевицей и снова с фасолью; вяленое мясо, мешки с орехами и крупами; сваренные вкрутую яйца в обмотанных полотенцами корзинах; бактерицидный пластырь, вазелин, гигиеническая помада, медикаменты; даже упаковка новых трусов, узел с одеждой, бутылки с жидким мылом и шампунем. Сара прижимает к груди вяленое мясо, а Рейвэн с наслаждением вдыхает запах мыла. Это как день рождения, только лучше – общий день рождения. И в эту минуту я чувствую прилив счастья. В эту минуту мне кажется, что я дома.

Удача повернулась к нам лицом. Спустя несколько часов Тэк завалил оленя.

В этот вечер впервые с тех пор, как я здесь появилась, мы едим досыта. На ужин – огромные порции коричневого риса с тушеным мясом под соусом из помидоров и сушеных трав. Это так вкусно, что я готова заплакать. Вот Сара и правда сидит и плачет, глядя на свою тарелку. Мияко обнимает ее за плечо и что-то шепчет в затылок. Этот жест Мияко заставляет меня вспомнить о маме. Несколько дней назад я спрашивала о ней Рейвэн. Ничего.

Рейвэн тогда спросила, как она выглядит, а я вынуждена была признаться, что не знаю. Когда я была маленькой, у мамы были длинные золотисто-каштановые волосы и круглое лицо. Но после десяти лет в «Крипте», тюрьме Портленда (все время, что мама там просидела, я думала, что она умерла), я сомневаюсь, что она осталась женщиной из моих детских воспоминаний.

Я сказала Рейвэн, что маму зовут Аннабел, но та только покачала головой.

– Ешь, ешь, – подбадривает Сару Мияко, и Сара ест.

Мы все едим: берем жмени риса руками, вылизываем тарелки. Кто-то с той стороны даже догадался положить в «посылку» аккуратно завернутую в толстовку бутылку виски. Все радостными возгласами приветствуют этот сюрприз – и бутылку пускают по кругу. Я пробовала алкоголь в жизни всего два раза и никогда не понимала, что в нем хорошего, но, когда очередь доходит до меня, делаю глоток. Виски обжигает горло, и я начинаю кашлять. Хантер улыбается и хлопает меня по спине. Тэк чуть ли не вырывает бутылку у меня из рук.

– Нечего пить, если собираешься все расплевывать.

Хантер наклоняется ко мне и шепчет почти те же слова, что сказала мне накануне Сара:

– Ты привыкнешь.

Я не уверена, что он имеет в виду – виски или манеры Тэка. А потом приятное тепло разливается в желудке, и, когда бутылка приходит ко мне во второй раз, я делаю глоток побольше, потом еще один, и тепло из желудка поднимается в голову.

Позже все происходящее мелькает у меня перед глазами, как серия наугад выбранных фотографий. Мияко и Ла танцуют, взявшись за руки, в углу комнаты, и все хлопают им в ладоши; Блу, свернувшись калачиком, спит на лавке, а потом ее, спящую, на руках уносит из комнаты Сквирл; Рейвэн стоит на скамье и произносит речь о свободе. Она смеется, черные блестящие волосы распущены. Потом Тэк помогает ей сойти на пол: коричневые руки обхватывают ее за талию, на мгновение Рейвэн зависает в воздухе. Я думаю о птицах и о полете. Я думаю об Алексе.

В один из дней ко мне подходит Рейвэн и вдруг без всякой подготовки заявляет:

– Если хочешь остаться с нами, то должна работать.

– Я работаю, – отвечаю я.

– Ты убираешься, моешь посуду, – перечисляет Рейвэн, – кипятишь воду. Другие таскают воду, добывают пищу, рыскают в поисках сообщений с той стороны. Даже Грэндма ходит за водой, полторы мили с тяжелыми ведрами. А ей шестьдесят лет.

Я... Конечно, Рейвэн права, и я знаю это. Чувство вины, как спертый воздух, не покидает меня ни на минуту. Я слышала, как Тэк сказал Рейвэн, что я зря занимаю спальное место. После этого меня так трясло, что я целый час просидела в комнате припасов, обхватив колени руками, пока наконец не успокоилась. Из всех хоумстидеров один только Хантер хорошо ко мне относится, но он ко всем хорошо относится.

– Я еще не готова. Я еще не такая сильная.

Рейвэн смотрит на меня и держит паузу, чтобы я поняла, что сказала глупость. Если я еще не окрепла, это тоже моя вина.

– Мы скоро снимаемся. Переход начнется через несколько недель. Каждый должен быть полезен.

– Переход? – переспрашиваю я.

– На юг. – Рейвэн отворачивается и уходит от меня по коридору. – Закрываем хоумстид на зиму, – говорит она на ходу. – Если хочешь с нами, придется помогать.

Рейвэн останавливается.

– Конечно, ты можешь остаться, это не запрещено. – Она поворачивается и говорит, приподняв одну бровь: – Хотя зимой здесь не выжить. Река замерзает, и припасы не получить. Но может, это то, чего ты хочешь?

Я не отвечаю.

– К завтрашнему дню ты должна принять решение, – говорит Рейвэн.

На следующее утро Рейвэн будит меня от кошмара. Я сажусь и ловлю ртом воздух. Помню, что падала во сне с огромной высоты, помню стаю черных птиц. Все остальные девушки спят, комнату заполняют звуки их ровного дыхания. Из коридора проникает слабый свет, должно быть, в коридоре горит свеча. Я вижу только силуэт Рейвэн – она сидит передо мной на корточках – и понимаю, что она уже оделась.

– Что решила? – шепотом спрашивает Рейвэн.

– Хочу остаться, – тоже шепотом отвечаю я, потому что больше ничего не могу сказать, так сильно колотится сердце.

Я не вижу, но, кажется, слышу, как улыбается Рейвэн, слышу, как она растягивает губы и выдыхает, этот выдох может сойти за смех.

– Тебе пойдет на пользу. – В руке она держит мягкое ведро. – Пора за водой.

Рейвэн уходит, а я шарю в темноте в поисках своей одежды. Когда я только появилась в хоумстиде, мне показалось, что в спальном комнате царит жуткий беспорядок – кругом кучи тряпья, одежды, разных мелких пожитков. Со временем я поняла, что не такой уж это беспорядок. У каждого в этой комнате свой кусочек пространства. Мы как бы очертили свои спальные места (маленькие кровати, матрасы, одеяла) невидимыми кругами. Все охраняют свою территорию. Личные вещи надо держать внутри этого круга. Как только какая-нибудь вещь оказывается за пределами твоей территории, она больше тебе не принадлежит. Одежда, которую я выбрала на складе, сложена у меня в ногах.

Я неуверенными шагами выхожу из спальни и на ощупь иду по коридору. Рейвэн я нахожу в кухне. Она шевелит обуглившейся палкой догорающие угли в печи, а вокруг стоят пустые ведра. В кухне Рейвэн фонари тоже не стала включать. Это было бы

пустой тратой батареек. Запах дыма, на стенах танцуют тени, плечи Рейвэн очерчены оранжевым светом... Такое ощущение, что я все еще сплю. Рейвэн слышит, что я подошла.

– Готова? – спрашивает она, вставая, и накидывает на каждую руку по ведру.

Я киваю, и тогда она кивает в сторону оставшихся ведер.

Мы поднимаемся по винтовой лестнице и оказываемся на поверхности. Выход из духоты и тесноты под землей в мир на поверхности сражает меня так же, как и в первый раз, когда я обследовала хоумстид в сопровождении Сары. Первый удар наносит холод. Ледяной ветер забирается под футболку, и я от неожиданности вскрикиваю.

– В чем дело? – спрашивает Рейвэн; теперь, когда мы вышли на поверхность, она говорит нормальным голосом.

– Холодно, – отвечаю я.

В воздухе уже пахнет зимой, хотя листья на деревьях еще не облетели. Неровная, рваная линия горизонта из верхушек деревьев слегка подсвечена золотистым светом – солнце готовится к восходу. Мир фиолетово-серый. Звери и птицы только начинают просыпаться.

– До октября меньше недели осталось, – поеживаясь, говорит Рейвэн, а потом, когда я спотыкаюсь о торчащую из земли скрюченную железяку, добавляет: – Смотри, где идешь.

И тут-то до меня доходит: я следовала ритму суток и мысленно вела счет дням, но на самом деле внушала себе, что, пока нахожусь под землей, весь остальной мир тоже «законсервировался».

– Скажешь, если я пойду слишком быстро, – говорит Рейвэн.

– Хорошо. – Голос мой звучит странно в прозрачном и необжитом воздухе этого осеннего мира.

Мы идем по просеке, которая когда-то была главной улицей. Рейвэн, так же как и Сара, с легкостью, почти инстинктивно обходит обломки бетонных плит и всякий металлический хлам. У входа в бывшее банковское хранилище, где спят ребята, нас поджидает Брэм. У него черные волосы и кожа цвета кофе с молоком. Он один из самых тихих парней в хоумстиде, из тех немногих, кто меня не пугает. Брэм и Хантер всегда вместе; когда я смотрю на них, я думаю о нас с Ханой. Один – темный, другой – светлый. Рейвэн без лишних слов передает Брэму несколько ведер, и он, тоже без лишних слов, идет за нами. Но он мне улыбнулся, и я благодарна ему за это.

Воздух холодный, но все равно я очень скоро начинаю потеть, и сердце у меня начинает больно биться о ребра. Уже месяц я не проходила больше шестидесяти футов за раз. Мышцы у меня ослабли, и даже два пустых ведра через несколько минут пути превращаются в серьезную нагрузку для моих плеч. Я то и дело перемещаю ручки ведер на ладонях. Жаловаться или просить о помощи я не собираюсь, хотя Рейвэн наверняка видит, что я с трудом за ней поспеваю. Даже думать не хочется о том, каким долгим и длинным будет обратный путь с полными ведрами воды.

Хоумстид и главная улица уничтоженного города остаются позади, мы углубляемся в лес. Листья вокруг самых разных оттенков золота, оранжевая, красная и коричневая, словно весь лес постепенно тлеет изнутри. Я кожей чувствую свободное пространство вокруг, воздух чистый, нет никаких границ, никаких стен. Справа и слева от нас шуршат в опавших сухих листьях невидимые зверьки.

– Почти пришли, – говорит Рейвэн. – А ты хорошо держишься, Лина.

– Спасибо, – выдыхаю я.

Пот стекает на глаза, не могу поверить, что совсем недавно мне было холодно. Брэм идет впереди, он отгибает низкие ветки деревьев, они отскакивают обратно и больно хлещут меня по рукам и ногам, оставляя на коже тонкие красные полосы. Но я даже не пытаюсь увертываться или отбиваться. Такое ощущение, что мы идем уже несколько часов. Но этого

не может быть – Сара говорила, что до реки полторы мили, не больше. Да и солнце только начинает вставать.

Еще немного, и я слышу этот звук. Поверх чириканья птиц и шелеста листвы – тихий булькающий звук потока воды. А потом деревья кончаются, земля становится каменистой – мы стоим на берегу широкой мелкой реки. Поверхность воды мерцает на солнце, можно подумать, что дно реки усыпано золотыми монетами. Примерно в пятидесяти футах слева от нас – небольшой водопад, вокруг черных камней в пятнах лишайника пенится вода. Мне вдруг безумно хочется закричать, я еле сдерживаюсь. Это место существовало всегда. Бомбы превращали в руины целые города, а река была здесь, бежала по камням и радостно смеялась своим секретам.

Мы такие мелкие, глупые существа. Большую часть своей жизни я считала, что природа – это тупые животные, разрушительные силы, а вот мы, люди, – чистые, умные и все контролируем. Я верила в то, что мы подчиним себе весь остальной мир, поместим его на предметное стекло микроскопа, подгоним под руководство «Безопасность, благополучие, счастье».

Рейвэн и Брэм уже зашли по щиколотку в реку и, присев на корточки, зачерпывают в ведра воду.

– Присоединяйся, – резко говорит Рейвэн. – Наши скоро проснутся.

Они пришли босиком, а вот мне приходится разуваться. Я сажусь на корточки и расшнуровываю кроссовки. Пальцы у меня распухли от холода, хоть я его больше и не чувствую. Сердце колотится во всем теле. Шнурки поддаются с трудом, и когда я подхожу к воде, Рейвэн и Брэм уже наполнили свои ведра и поставили их рядом на берегу. На поверхности воды плавают травинки и дохлые букашки, мы выловим их позже и прокипятим воду.

Я делаю шаг в реку, и поток воды едва не сбивает меня с ног. Даже у берега течение гораздо сильнее, чем кажется со стороны. Чтобы устоять на ногах, я мельницей размахиваю руками и в результате роняю одно ведро. Брэм, который стоит на берегу и ждет меня, начинает смеяться. Смех у него звонкий и на удивление добрый.

– Ладно, шоу закончено, – говорит Рейвэн и подтал кивает его от берега. – Увидимся в хоумстиде.

Брэм в знак повиновения подносит два пальца к виску.

– Лина, пока, – говорит он, и я понимаю, что это первый раз за неделю, когда ко мне обратился кто-то кроме Рейвэн, Сары или Хантера.

– Пока.

Дно речки у берега из мелкой гальки, скользкие камешки больно впиваются мне в подошвы. Я вылавливаю упущенное ведро и по примеру Рейвэн и Брэма сажусь на корточки, чтобы его наполнить. Дотащить ведро до берега – задача посложнее. Руки у меня совсем ослабли, металлическая ручка больно впивается в ладони.

– Осталось еще одно, – говорит Рейвэн.

Она стоит на берегу, скрестив руки, и наблюдает за моими действиями.

Второе ведро чуть больше первого, и передвигаться с ним, когда оно полное, труднее. Я сгибаюсь в три погибели и тащу его обеими руками. Ведро больно бьет по голени, но с этим я ничего не могу поделать. Я выбираюсь на берег и со вздохом облегчения опускаю ведро на землю. Как дотащить до хоумстида два полных ведра сразу, я понятия не имею. Это нереально. У меня уйдет на это несколько часов.

– Готова? – спрашивает Рейвэн.

– Дай мне секунду, – прошу я и наклоняюсь, уперевшись руками в колени.

Руки у меня немного трясутся. Солнечные лучи пробиваются сквозь кроны деревьев, река говорит на своем древнем языке, птицы стремительно перелетают с ветки на ветку. Мне очень не хочется уходить отсюда.

«Алексу здесь бы понравилось», – непроизвольно думаю я.

А я так старалась не произносить в мыслях его имя, не допускать его в свое сознание.

На противоположном берегу маленькая темно-синяя птичка чистит клювом перышки, и меня вдруг захлестывает непреодолимое желание раздеться догола и нырнуть в реку, смыть с себя слои грязи, пота и сажи, которые я не могла соскрести в хоумстиде.

– Отвернись, пожалуйста, – прошу я Рейвэн.

Рейвэн забавляет моя просьба, она закатывает глаза, но тем не менее отворачивается.

Я, извиваясь, выскальзываю из брюк, стягиваю майку и бросаю все на траву. Повторный заход в реку приносит боль и наслаждение одновременно – ледящий холод пронизывает меня насквозь. Я бреду к середине реки, здесь камни на дне крупные и плоские, а течение сильно бьет по ногам. Река не очень широкая, но у небольшого водопада образовалась глубокая яма, настоящая купальня. Вода такая черная и холодная, что я стою на краю этой ямы и никак не могу заставить себя сделать решающий шаг.

– Я не собираюсь ждать тебя вечно, – не оборачиваясь, кричит мне Рейвэн.

– Пять минут, – кричу я в ответ и, вытянув руки вперед, ныряю.

Холод встречает меня, как непробиваемая стена, он разрывает каждую клеточку моего тела, в ушах стоит нескончаемый звон. Холод выбивает из меня весь воздух, я с открытым ртом вынырываю на поверхность и вижу, что солнце поднялось выше, а небо стало более насыщенным и плотным, чтобы удержать светило над горизонтом.

И в эту секунду холод вдруг исчезает. Я снова ныряю и позволяю течению бороться с моим телом. Погрузившись в воду с головой, я почти понимаю ее журчащий, булькающий язык. Под водой я слышу, как река произносит имя, о котором я так старалась не думать, – «Алекс, Алекс, Алекс» – и слышу, как она уносит его вниз по течению. Я выхожу из реки на берег, дрожу и смеюсь одновременно. Я одеваюсь, клацаю зубами, ногти у меня посинели от холода.

– Никогда не слышала, как ты смеешься, – замечает Рейвэн, после того как я оделась.

Она права. Я не смеялась с тех пор, как оказалась в Дикой местности. А сейчас смеюсь, как дурочка, и мне становится легче.

– Ты готова?

– Готова.

В этот первый день я вынуждена переносить по одному ведру зараз. Я тащу ведро обеими руками, расплескиваю воду, обливаюсь потом и сыплю проклятиями. Медленный переход мелкими шажками, ставлю ведро на землю, возвращаюсь назад и беру второе ведро. Еще несколько футов вперед. Потом – остановка и короткая передышка.

Рейвэн идет впереди. Временами она останавливается, ставит ведро и обдирает полоски коры с деревьев, а потом разбрасывает по тропинке, чтобы я не сбилась с пути, даже если потеряю ее из виду. Через полчаса она возвращается и приносит мне жестяную кружку кипяченой воды и небольшой суконный мешочек с миндалем и изюмом. Солнце уже высоко, яркие лучи, как кинжалы, проникают между деревьев.

Рейвэн не уходит, но и помощь не предлагает, а я не прошу. Она бесстрастно наблюдает за тем, как я мучительно и медленно продвигаюсь через лес.

Время перехода – два часа. Результат – на ладонях три волдыря, один размером с вишню. Руки трясутся так сильно, что я с трудом доношу их до лица, чтобы вытереть пот. На одной руке металлическая ручка ведра до крови содрала кожу.

За ужином Тэк накладывает мне самую большую порцию риса с фасолью. И хотя из-за волдырей я едва удерживаю в руке вилку, а у Сквирла подгорел до коричневой корки рис, мне кажется, что это самая вкусная еда, какую я пробовала с тех пор, как оказалась в Дикой местности.

После ужина на меня наваливается такая усталость, что я даже не раздеваюсь перед сном и засыпаю в ту секунду, когда голова касается подушки, забыв попросить Бога сделать так, чтобы утром я не проснулась.

И только на следующее утро я понимаю, какой наступил день. Двадцать шестое сентября.

Вчера Хана прошла процедуру исцеления.

Ханы больше нет.

Я не плакала с тех пор, как умер Алекс.

Алекс жив.

Это становится моей мантрой, историей, которую я рассказываю себе каждый раз, когда вынырываю из-под земли в темный туманный рассвет и начинаю мучительно медленно бегать.

Ноги дрожат, легкие разрываются от напряжения, но, если добежу до разбомбленного банка, – Алекс жив.

Сначала – сорок футов, потом – шестьдесят; две минуты без остановки, потом – четыре.

Если смогу пробежать вон до того дерева – Алекс вернется.

Алекс стоит сразу за тем холмом. Если я, не останавливаясь, добежу до вершины – Алекс будет там.

Поначалу я спотыкаюсь и около дюжины раз чуть не подворачиваю лодыжку. Я не привыкла бегать по захлавленной земле и в сумеречном рассвете почти ничего не вижу. Но зрение становится острее, а ноги запоминают маршрут, и через пару недель мое тело привыкает ко всем неровностям местности, легко распознает руины домов и все повороты разбомбленных улиц, а потом я, уже не глядя под ноги, пробегаю всю главную улицу до конца.

Дистанция увеличивается, я бегу быстрее.

Алекс жив. Еще немного, последний рывок, и ты его увидишь.

Когда мы с Ханой выступали в одной команде на соревнованиях по кроссу, мы часто играли в такую игру. Бег – спорт интеллектуальный. Ты бежишь настолько хорошо, насколько хорошо подготовлена, а подготовлена ты хорошо, если хорошо шевелишь мозгами. Если пробежишь все восемь миль, не переходя на шаг, получишь сто процентов на тестах по истории. Таким способом мы с Ханой и пользовались. Иногда это срабатывало, иногда – нет. Иногда мы сдавались на седьмой миле и начинали хохотать: «Упс! Прощайте наши баллы по истории».

Но дело вот в чем: на самом деле нас это мало волновало. В мире без любви не делают ставки.

Алекс жив. Раз-два, раз-два. Я бегу, пока у меня не распухают ступни, а волдыри на пальцах начинают лопаться и кровоточить. Рейвэн ругает меня, пока готовит ванночку с холодной водой для моих ног, она говорит, чтобы я соблюдала осторожность, предупреждает о возможной инфекции. Здесь антибиотики под ногами не валяются.

А на следующее утро я перебинтовываю пальцы на ногах, надеваю кроссовки и снова бегу.

Если ты сможешь... чуть-чуть дальше... чуть-чуть быстрее... ты увидишь, увидишь, увидишь. Алекс жив.

Я не сошла с ума. На самом деле я знаю, что нет. Как только дистанция остается позади и я, прихрамывая, возвращаюсь к фундаменту разрушенной церкви, я словно натыкаюсь на стену – Алекса больше нет, и никакие пробежки, никакое насилие над собой не вернут его назад.

Я это понимаю. Но есть один момент: когда я бегу, всегда на какую-то долю секунды меня пронзает острая боль, она не дает дышать, перед глазами у меня все плывет. И в эту долю секунды, когда боль становится непереносимой, я боковым зрением вижу слева от себя цветную вспышку – золотисто-каштановые волосы, венок из огненных листьев, – и я понимаю, что, стоит мне повернуть голову, он будет там. Алекс стоит там, смотрит на меня, смеется, протягивает ко мне руки.

Естественно, я никогда не смотрю в ту сторону. Но наступит день, и я посмотрю. Я сделаю это, и он будет там, и все будет хорошо.

Но пока этот день не наступил, я бегу.

Сейчас

После собрания АБД я вместе с толпой выхожу из Джавитс-центра на улицу. Энергия никуда не делась, она продолжает пульсировать среди нас, но солнечный свет и холод ранней весны делают ее злее, превращает в импульс к разрушению.

У тротуара нас ожидают автобусы, к ним уже змейками потянулись очереди из участников собрания. Я прождала полчаса и успела три раза увидеть, как отходят и возвращаются автобусы, и тут понимаю, что обронила в конференц-зале перчатку. Приходится прикусить язык, чтобы не выругаться. Меня со всех сторон окружают исцеленные, и мне совсем не хочется привлекать их внимание нестандартным поведением.

Впереди всего двадцать человек, и я в какой-то момент решаю не возвращаться за перчаткой. Но последние полгода приучили меня к бережливости. В Дикой местности небрежное отношение к вещам – грех и почти всегда приводит к несчастью. Выбросишь сегодня, завтра останешься с голой задницей – еще одна мантра Рейвэн.

Я выбираюсь из очереди и направляюсь к блестящим стеклянным дверям центра. Меня провожают озадаченные и недовольные взгляды исцеленных. Регулятор, который состоял при металлодетекторе у входа в зал, ушел, правда, оставил на посту рацию и пластиковый стаканчик с недопитым кофе. Женщина, которая проверяла мою идентификационную карточку, тоже ушла, со складного столика исчезли все листовки АБД. Верхний свет выключен, и холл в полумраке кажется даже больше, чем при полном освещении.

Я распахиваю двери в конференц-зал и на секунду теряю ориентацию в пространстве. Я словно падаю с высоты на снежную вершину огромной горы. Картинка проецируется на большой экран, тот, на который совсем недавно проецировался портрет Джулиана Файнмэна. В зале весь свет выключен, и слайд поэтому очень яркий и четкий. Я отлично вижу темные, похожие на густой мех кольца деревьев у подножия горы и острые пики вершины в ярко-белых чепчиках снега. Это так красиво, что у меня даже на секунду перехватывает дыхание.

Потом картинка исчезает. Теперь я смотрю на бледно-желтый песчаный берег и синезеленые волны океана. Я делаю несколько шагов в зал и едва сдерживаюсь, чтобы не заплакать. Последний раз я видела океан в Портленде, до побега в Дикую местность.

Картинка снова меняется. Теперь на экране огромные деревья тянутся к небу, кусочки которого едва проглядывают сквозь густую листву. Солнечные лучи под острым углом падают на красноватые стволы деревьев, на траву и кудрявый зеленый папоротник. Я, как загипнотизированная, прохожу дальше и натыкаюсь на складной металлический стул. Вдруг кто-то вскакивает с первого ряда, тень плывет по экрану и заслоняет собой часть леса на слайде. Экран гаснет, загорается свет. Силуэт – это Джулиан Файнмэн. У него в руке пульт дистанционного управления.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спрашивает он.

Понятно, что я застала его врасплох, он даже не ждет ответа и сообщает серьезным голосом:

– Собрание уже кончилось.

Я чувствую, что за этой его агрессивной манерой скрывается что-то еще. Ему неловко. Теперь я уверена, что это его секрет – он сидел в темном зале и представлял себя в других местах. Он рассматривал красивые виды.

Я настолько удивлена, что с трудом выдавливаю из себя ответ:

– Я... я потеряла перчатку.

Джулиан отводит взгляд, его пальцы крепко сжимают пульт. Но когда его взгляд снова переключается на меня, я вижу, что к нему вернулись самообладание и хорошие манеры.

– Где ты сидела? – спрашивает он. – Я могу помочь поискать.

– Не надо, – отрывисто и слишком уж громко говорю я.

Должно быть, я все еще в шоке. Воздух между нами наэлектризован, как это было в зале во время собрания. Внутри меня поселяется ноющая боль. Эти слайды, океан на огромном экране... Когда я смотрела на них, мне казалось, что я могу упасть в чащу леса, могу, как взбитые сливки с ложки, слизнуть снег с вершины горы. Жаль, что я не могу попросить Джулиана выключить свет в зале и еще раз показать мне эти слайды.

Но он – Джулиан Файнмэн, он – воплощение всего того, что я ненавижу, и я ни о чем не стану его просить.

Я быстро прохожу к своему месту. Джулиан хоть и не двигается, но не спускает с меня глаз. Он замер, как статуя напротив погасшего экрана, только перемещается взгляд, я чувствую его у себя на затылке, на спине, в волосах. Я без труда нахожу перчатку, поднимаю ее с пола и демонстрирую Джулиану.

– Нашла, – докладываю я, но при этом стараюсь не смотреть на него.

Потом быстро иду к выходу, но он останавливает меня вопросом:

– Долго ты здесь стояла?

– Что? – Я оборачиваюсь и смотрю на Джулиана, но по его лицу ничего невозможно понять.

– Долго ты здесь стояла? Сколько слайдов ты видела?

Я не знаю, что ответить, вдруг это какая-то проверка.

– Я видела гору, – наконец говорю я.

Джулиан смотрит под ноги, потом снова на меня. Даже на таком расстоянии поражает чистый синий цвет его глаз.

– Мы вычисляем, где находятся базы, – говорит он и вскидывает голову, как будто ждет, что я стану ему возражать. – Лагеря заразных. Используем для этого все технологии видеонаблюдения.

Вот еще одно открытие: Джулиан Файнмэн – лжец.

Но в то же время то, что он произносит это слово вслух, свидетельствует об определенном прогрессе. Два года назад считалось, что заразных вообще не существует. Считалось, что нас уничтожили во время блица. Для исцеленных мы были мифическими персонажами, как единороги или оборотни.

Так было до инцидентов, до того, как Соппротивление начало активные действия и стало уже нереально игнорировать наше существование.

Я заставляю себя улыбнуться.

– Надеюсь, вы их найдете, – говорю я. – Всех до одного.

Джулиан кивает.

Я разворачиваюсь к выходу и добавляю:

– Пока они не добрались до вас.

– Что ты сказала? – резко и громко спрашивает Джулиан.

Я бросаю взгляд через плечо.

– Пока они не добрались до нас, – говорю я, толкаю двери и выхожу из зала.

К тому времени, когда я возвращаюсь в Бруклин, солнце уже опустилось за горизонт. В квартире холодно. Шторы задернуты, в коридоре горит одна-единственная лампочка. В серванте у входа в столовую – тоненькая стопка писем.

На первом конверте прямо над адресом аккуратно напечатано: «Всеобщее исцеление – залог всеобщей безопасности».

А чуть ниже: «Пожалуйста, поддержите АБД».

Рядом с почтой маленький серебряный поднос для наших идентификационных карточек. Две карточки лежат строго в одну линию. На фотокарточках Ребекка Энн Шерман и Томас Клайв Шерман, оба с серьезными лицами и смотрят прямо перед собой. У Ребекки большие карие глаза, иссиня-черные волосы аккуратно расчесаны на прямой пробор. У Томаса волосы подстрижены так коротко, что сложно определить, какого они цвета, глаза полужакрыты, как будто он вот-вот заснет.

Под карточками лежат аккуратно подшитые документы. Если их полистать, можно узнать все о Ребекке и Томасе: дату и место рождения; имена родителей, бабушек и дедушек; размер заработка; школьный аттестат; случаи неповиновения; баллы на эвалуации; дата и место свадебной церемонии; все предыдущие адреса.

Естественно, ни Ребекки, ни Томаса не существует, так же как не существует неулыбчивой девушки с тонким лицом по имени Лина Морган Джонс. Моя идентификационная карточка занимает место рядом с карточкой Ребекки. Никогда не знаешь, когда будет проводиться рейд или перепись. Документы всегда лучше держать под рукой. Вообще лучше, чтобы тут никто не рылся.

Только поселившись в Нью-Йорке, я поняла, почему Рейвэн так одержима порядком. Все должно быть ровно и гладко, ни крошки на столе.

Лишь соблюдая порядок, не оставишь следов для преследователя.

Шторы в гостиной задернуты, они сохраняют тепло и уберегают от любопытных глаз соседей, регуляторов или патрулей. В Зомбиленде всегда кто-то за кем-то наблюдает. А чем еще людям заниматься? Они не думают. Не испытывают сильных эмоций – ни печали, ни ненависти. Они не чувствуют ничего, кроме страха и страсти к порядку и контролю.

В самом конце квартиры – кухня. На стене над столом висят две фотографии Томаса Файнмэна и Кормака Т. Холмса, ученого, которому приписывается самая первая успешная процедура исцеления.

В углублении в стене за плитой – маленькая кладовка. В кладовке узкие полки, сплошь уставленные продуктами. Голодные времена не так просто выкинуть из памяти, и теперь мы, все, кто испытал это на себе, превратились в скрытых тезавраторов.¹⁴ Мы таскаем в карманах плитки гранолы и пакетики с сахаром.

Никогда не знаешь, когда вернется голод.

Одна из стенок кладовки на самом деле потайная дверь. За дверью лестница из грубо струганных досок. Я открываю дверь и слышу доносящиеся из подвала отрывистые голоса. В подвале горит тусклый свет. Рейвэн и Тэк ругаются, к этому я уже привыкла.

– Я просто не понимаю, – с болью в голосе говорит Тэк, – почему мы не можем быть честны друг с другом. Мы же на одной стороне.

– Тэк, ты сам понимаешь, что это нереально, – резко отвечает Рейвэн. – Так будет лучше. Ты должен мне верить.

– Так это же ты не доверяешь...

Я закрываю за собой дверь, но, чтобы они знали о моем приходе, делаю это громче, чем обычно, и Тэк тут же замолкает. Ненавижу, когда они ругаются, до побега в Дикую местность я никогда и не слышала, чтобы взрослые ругались. Правда, со временем я привыкла. Пришлось. Похоже, Рейвэн и Тэк всегда из-за чего-нибудь спорят.

Когда я спускаюсь в подвал, Тэк поворачивается ко мне спиной и проводит ладонью по лицу.

– Ты опоздала, – не поздоровавшись, говорит Рейвэн, – собрание давно закончилось. Что-то произошло?

¹⁴ Тезавратор (от *греч.* тезаурос – сокровище) – здесь в значении «хранящие про запас».

– Пропустила первый круг автобусов, – объясняю я и, пока Рейвэн не начала читать мне мораль, продолжаю: – Забыла в зале перчатку, пришлось возвращаться. Я разговаривала с Джулианом Файнмэном.

– С кем? – выпаливает пораженная Рейвэн, а Тэк вздыхает и трет лоб.

– Ну, только минуту. – Я хочу рассказать им о слайдах, но в последнюю секунду решаю, что лучше не надо. – Это было круто. Ничего страшного не случилось.

– Это не круто, Лина, – говорит Тэк. – Что мы тебе говорили? Нельзя привлекать к себе внимание.

Иногда мне кажется, что Рейвэн и Тэк слишком уж серьезно относятся к своей роли строгих опекунов. Я едва сдерживаюсь, чтобы не сказать им об этом.

– Да ничего страшного не случилось, – повторяю я. – Я ничем не рисковала.

– Риск есть всегда. Ты что, это не усвоила? Мы...

– Все она усвоила, – перебивает Тэка Рейвэн. – Тысячу раз ей это говорили. Оставь ее в покое, ладно?

Тэк секунду молча смотрит на Рейвэн, губы его превратились в тонкую белую линию. Рейвэн спокойно выдерживает его взгляд. Я знаю, что они ругались по другой причине и дело вовсе не во мне, но все равно чувствую себя виноватой. Я все усугубила.

– Тебя никогда не поймешь, – тихо говорит Тэк.

Не думаю, что эти слова сказаны в мой адрес. А потом Тэк проходит мимо меня и, громко топая, поднимается вверх.

– Ты куда собрался? – требовательно спрашивает Рейвэн.

В ее глазах мелькает что-то, растерянность или страх, но через мгновение исчезает, и я не успеваю определить, что именно.

– Наверх, – не оборачиваясь, отвечает Тэк. – Здесь дышать нечем. Задохнуться можно. Хлопает потайная дверь в кладовке, и мы с Рейвэн остаемся одни.

Некоторое время мы стоим молча, а потом Рейвэн усмехается и машет рукой.

– Не обращай на Тэка внимания, – говорит она. – Ты же его знаешь.

– Ага.

Мне как-то не по себе. Ссора испортила атмосферу в подвале, Тэк прав, здесь тяжело дышать. А вообще подвал – мое любимое место в доме, и Рейвэн с Тэком тоже его любят. Только здесь мы можем сбросить маски, отказаться от чужих имен и выдуманного прошлого.

Здесь я чувствую себя дома. Комнаты наверху похожи на жилые комнаты, там пахнет, как в нормальном доме, в них много самых обычных вещей, но все равно там как-то не так, будто дом чуть-чуть сместился в пространстве.

В подвале, по сравнению с комнатами, полный бардак. Рейвэн не успевает наводить порядок после Тэка. Кругом свалены книги – настоящие, запрещенные старые книги. Тэк их собирает. Даже не собирает, а запасает, как мы запасаем еду. Я несколько раз пробовала читать, просто чтобы узнать, как жили люди до того, как изобрели процедуру исцеления, до того, как они возвели все эти заборы и границы. Но стоило мне представить, как все это было, у меня начинало щемить сердце. Лучше, гораздо лучше не думать об этом.

Алекс любил книги. Это он открыл для меня поэзию. И это еще одна причина, по которой я больше не могу читать.

Рейвэн вздыхает и начинает собирать разбросанные на хромом столике в центре подвала бумаги.

– Это все чертов митинг, – говорит она. – Все из-за него дерганые.

– А в чем проблема?

Рейвэн отмахивается.

– Да как всегда, слухи о бунте. В подполье говорят, что стервятники затевают что-то серьезное. Но точно ничего не известно.

Голос Рейвэн становится жестким. Я даже произносить слово «стервятники» не люблю. От него во рту остается неприятный привкус какой-то гнили и пепла. Мы все – заразные, участники Соппротивления – ненавидим стервятников. Они все портят. Все согласны, что стервятники разрушат и уже разрушают все, чего мы с таким трудом пытаемся достичь. Они такие же заразные, как мы, только нетерпимые. Мы хотим разрушить стены и избавить людей от процедуры исцеления. Стервятники хотят уничтожить все, хотят грабить, убивать, спалить весь мир дотла.

Я сталкивалась с ними всего один раз, но до сих пор вижу их в кошмарах.

– Они не организованы, – говорю я. Рейвэн пожимает плечами.

– Надеюсь.

Она кладет книги одна на другую и тщательно выравнивает края стопок. На секунду мне становится ее жаль. Вот она стоит в центре захлавленной комнаты и складывает книжки в стопки, как будто это что-то может изменить.

– Я могу что-то сделать?

– Не волнуйся. – Рейвэн натянуто улыбается. – Это моя забота.

Еще одно любимое выражение Рейвэн. Оно, как и фраза «прошлое умерло», стало ее заклинанием.

«Это моя забота. Ты делаешь то, что я говорю».

Я думаю, что нам всем необходимы заклинания, истории, которые мы рассказываем самим себе. Они помогают идти вперед, жить дальше.

– Ладно.

Мы стоим в подвале. Так странно – иногда ближе Рейвэн у меня никого нет, она для меня как семья. А иногда я понимаю, что знаю о Рейвэн не больше, чем знала в августе, когда она нашла меня в лесу. Я до сих пор не знаю, кем она была до того, как появилась в Дикой местности. Эту часть себя она хранит где-то очень глубоко внутри, и заглянуть туда невозможно.

– Иди, – говорит Рейвэн и кивает в сторону лестницы, – уже поздно. Поешь что-нибудь.

По пути к лестнице я провожу пальцами по железному номерному знаку, который мы приколотили к стене. Этот знак мы нашли во время перехода. Тогда мы от усталости, голода, холода и болезней были как никогда близки к смерти. Знак заметил в грязи Брэм. Когда он его поднял, как раз выглянуло из-за туч солнце. Знак засверкал и чуть не ослепил меня. Я с трудом прочитала слова под номером: «Свобода или смерть».

Старые слова, из-за них я чуть на колени не упала.

«Свобода или смерть».

Три слова. Шестнадцать букв. Я ощущаю их пальцами на металлической поверхности.

Еще одна история. Мы крепко за них держимся, и наша вера становится реальностью.

Тогда

С каждым днем становится холоднее. Утром трава покрыта инеем. Во время пробежки морозный воздух обжигает легкие. Вода у берега реки покрыта тонким льдом, когда мы набираем воду в ведра, лед ломается и царапает лодыжки. Вялое, бледное солнце все раньше опускается за горизонт.

Я набираюсь сил. Я – камень, который вымывает из земли медленный поток воды; я – дерево, обожженное огнем. Мои мышцы превращаются в канаты, ноги крепкие, как дерево, ладони в мозолях и ступни тоже стали твердыми, как камень. Я бегаю каждое утро. Каждый день я, хоть у нас и принято меняться, вызываюсь носить воду. Скоро наступает день, когда я могу самостоятельно, без передышек донести полные ведра с водой от реки до хоумстида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.